

РАФАЭЛЬ ТИМОШЕВ

ЗОЛОТО ДУНКЕЛЯ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Рафаэль Миргалиевич Тимошев
Золото Дункеля
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63918506

Золото Дункеля: Вече; М.; 2021

ISBN 978-5-4484-8533-6

Аннотация

Гражданская война в России. При освобождении одного из городов чекистами обнаружен любопытный документ – личное поручение адмирала Колчака обеспечить проход тайной группы к войскам главнокомандующего Северной области генерала Миллера. Соединение с англичанами и Миллером было важным стратегическим замыслом «Верховного правителя России»... Получена информация, что с ними особый груз – ящики с драгоценностями, – а возглавляет группу отъявленный негодяй – некий штабс-капитан контрразведки Дункель.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	38
Глава 4	50
Глава 5	79
Глава 6	91
Конец ознакомительного фрагмента.	98

**Рафаэль Миргалиевич
Тимошев
Золото Дункеля**

© Тимошев Р.М., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

Ранним сентябрьским утром Григорий Михайлович Круглов – командир второго эскадрона кавалерийского дивизиона 29-й стрелковой дивизии – стоял на разбитой Гражданской войной улице освобожденного в середине лета города N. Еще вчера, трясясь в прогнившей насквозь теплушке, он мысленно клял все на свете: отправить его, боевого командира, в тыл, да еще в самый разгар наступления – это казалось ему верхом бессмыслицы, чуть ли не вредительством! Однако, сойдя на знакомый перрон изрешеченного пулями вокзала, он неожиданно приободрился. То ли от воспоминаний о недавних боях за город, то ли от гордости, что именно его, Григория Круглова, эскадрон первым ворвался на изрыгающие сонмы свинца и стали улицы, то ли от внезапно рассеявшегося над ним неба и сверкнувших лучей осеннего солнца – только на душе комэска, словно после трудной, но хорошо сделанной работы, стало светло и покойно. «Ничего, повоюем еще, матросы-папиросы!» – ухмыльнулся он, глубоко, всей грудью вдохнул свежий воздух, повел ладонью по густым черным усам и, забросив на плечо вещмешок, уверенно зашагал к выходу. Спрашивать дорогу ему было незачем – и воевал здесь, да и бывал раньше, еще до революции, так что хорошо знал улицу, на которой, как ему объяснили в штабе дивизии, разместилось губернское Чeka: туда он и

должен был явиться по прибытии.

Круглов шагал бодро, широко. Мерно бились о голенища истоптанных сапог длинные полы выдавшей виды шинели; натертые о конские бока шпоры, точно такты парадного марша, звонко отбивали по мостовой каждый размашистый шаг, и шашка на левом боку приятно холодила придерживающую ее руку. Он на ходу рассматривал дома – серые, мрачные, подчас до основания разрушенные, пытался понять, живет ли в них кто еще или нет и, удивляясь пустынности некогда шумного города, проходил дальше.

Но постепенно, казалось, вымерший город стал оживать. В узких проулках, словно тени, замелькали первые прохожие; навстречу, обойдя его по сторонам, прошлепали двое рабочих, незлобно перебрасываясь матерными фразами; впереди, слева, из подъезда обшарпанного дома, вышла старушка в выцветшем платке и темном, в заплатках сюртуке, волоча за собой набитый чем-то мешок... Отдышавшись, она попыталась забросить мешок на спину, но не сумела. Круглов, не сбавляя шага, перешел улицу, приблизился и на ходу закинул ношу на дряхлые плечи. Старуха от неожиданности крякнула и беззубо прошепелявила:

– Дай бог здоровья, шынок!

– И тебе не хворать, мамаша! – не оборачиваясь, бросил Круглов.

Потом по мостовой, гремя, протащились одна за другой

две повозки, запряженные заезженными, ужасно похожими друг на друга клячами. Возничий первой из них – сморщенный старичок в фуфайке, – хлестнул клячу вожжами и смачно, с удовольствием выругался.

Неожиданно, сквозь грохот колес прорвались разухабистые аккорды гармошки. Круглов остановился, прислушался, затем залихватски поправил ручищей крохотную фуражку с коротким козырьком и красной звездой на околыше и решительно свернул в ближайший проулок – хоть и не по пути, да весело!

Одноногий, в солдатской гимнастерке музыкант сидел невдалеке, на крыльце, морща на солнышке и без того мятое от похмелья лицо, и размашисто терзал мехи потертой гармошки. Завидя красноармейца, он весело подмигнул ему и вдруг заглушил собственную музыку разухабистой частушкой:

Эх ты, цветик мой,
Цветик маковый,
Ты скорей, Колчак,
Отколчакивай...

Круглов заулыбался, сверкнув двумя рядами крепких зубов, и, не останавливаясь, кивнул одноногому:

– Матросы-папиросы! Граждан разбудишь, сатана!

Гармонист, не переставая наигрывать, прокричал в ответ:

– А нехай встають, мать их в дышло! Неча бока мять!

– Ну-ну, – засмеялся комэска, удаляясь под звуки пьяной гармошки.

Здание бывшего путевого дворца Круглов узнал сразу. Несмотря на обветшалый фасад, в ряду ютящихся рядом одноэтажных домов он выделялся своими трехъярусными размерами и пятью квадратными колоннами у парадного подъезда. Между колоннами, у входа, высилась фигура молоденького постового в кожаной, истертой до белизны тужурке, туго перетянутой солдатским ремнем. На голове топорщилась выцветшая армейская фуражка; на бедре, словно прилипшая, пузырилась кобура нагана.

Постовой вопросительно поднял голову, когда проходящий мимо военный неожиданно свернул в тень колонн.

– Куда? – недовольно буркнул он, загораживая проход.

Круглов приблизился:

– Губчека?

– Хотя бы и так, – не опуская головы, протянул парень, словно давая понять, что это не место для праздного любопытства.

– Мне к товарищу Брюсу. Вот бумага.

Круглов вытащил из внутреннего кармана шинели листок и, развернув, протянул охраннику. Тот поднес документ к глазам, медленно, по слогам, прочел содержимое, затем внимательно посмотрел на комэска:

– Документы есть?

Круглов протянул еще одну бумагу. Парень вновь прочел все, что было написано в ней, важно свернул листки и вернул хозяину:

– Проходи, товарищ Круглов! Товарищ Брюс на втором этаже, третья дверь слева.

В приемной начальника отдела Губчека, за широким дубовым столом, склонившись, сидел краснощекий юноша в старенькой, но аккуратно выглаженной гимнастерке. Когда Круглов вошел, парень, тряхнув русым чубом, поднял голову. Комэска поразило его лицо – по-юношески красивое, приятное и в то же время до чрезвычайности непроницаемое и не по летам серьезное, почти каменное. Круглов даже почувствовал легкое замешательство, когда из-под этой маски вдруг сверкнули живые глаза и пронзили его изучающим взглядом серых глаз.

– Вы к кому, товарищ? – пробасил хриловатый голос, никак не соответствующий юной наружности парня. Круглов быстро пришел в себя, крикнул и, злясь на свою минутную слабость, громко объявил:

– К товарищу Брюсу. Вот телеграмма и удостоверение. Меня вызвали с фронта.

Парень, мельком взглянув на протянутые бумаги, коротко, словно допрашивая, прохрипел:

– Круглов Григорий Михайлович?

– Он самый...

Парень с минуту разглядывал посетителя и уже мягче, но по-прежнему протокольно объявил:

– Товарищ Брюс на совещании. Раздевайтесь и подождите. Совещание закончится с минуты на минуту.

Круглов огляделся, нашел позади себя, в углу, вешалку и, скинув с плеча мешок, разделся. Подпоясал шашку, повернулся и вопросительно посмотрел на парня – что дальше?

– Присаживайтесь. Вас скоро примут, – сухо сказал парень, кивнул на стул и вновь склонился над столом.

Прошло пятнадцать минут. Непривычная для боевого командира кабинетная тишина стала раздражать. Вновь поползли мысли, которые не давали покоя в теплушке: «На черта вызвали? Скоро Тагил братья, а эти в тылу...» Круглова даже передернуло. Он недобро посмотрел на неразговорчивого секретаря.

– Скажи, пожалуйста, и по какому же делу меня с фронта вытащили? – не выдержав, спросил он с досадой.

– Вам все объяснят! – не поднимая головы, отрезал парень.

«Вот сволочь! – выругался про себя Круглов. – Какой же ты чекист? Крыса кабинетная, а не чекист! Попался бы мне на передовой...»

Но додумать, что бы он сделал с ним на передовой, не успел: дверь распахнулась, и в приемную, сверкнув круглыми очками, ворвался невысокого роста мужчина в ладно

скроенном френче, быстро прошел, скрипя сапогами, к столу и протянул папку выросшему перед ним во весь рост помощнику:

– Документы разобрать по важности...

Затем, словно что-то вспомнив, вновь взял папку в руки, быстро вынул из нее несколько листков:

– Эти разослать Петрову и Костенко немедленно. Кстати, Костенко звонил?

Он снизу вверх посмотрел на подчиненного.

– Нет еще, Генрих Иванович...

– Свяжись с ним. Пока все.

Парень показал на Круглова глазами:

– Генрих Иванович, к вам товарищ с фронта. Круглов Григорий Михайлович. По вашему распоряжению.

Мужчина повернулся, быстро взглянул на поднявшегося комэска и, пройдя к нему, протянул руку:

– Здравствуйте, товарищ Круглов! Очень кстати. Как доехали?

– Ничего, доехал, – выдавил, пожимая руку, Круглов.

– Я начальник особого отдела губернского Чека – Брюс Генрих Иванович. С вами я уже заочно знаком. – Он взял Круглова под локоток. – Прошу в кабинет, Григорий Михайлович, есть важный разговор...

Брюс пропустил посетителя вперед и, пройдя следом, прикрыл за собой дверь.

– Присаживайтесь! – указал он Круглову на стул за приставным столиком. – Буквально одну минуту...

Брюс прошел к своему столу, торопливо сделал карандашом запись в тетради и, вернувшись, сел напротив. Поправил привычным движением очки, помолчал и неожиданно спросил:

– Значит, воюете в 29-й дивизии, Григорий Михайлович? Круглов осторожно, пытаясь понять, о чем пойдет речь, кивнул.

– Как идут дела на фронте? Наступаете?

Григорий прокашлялся и неуверенно подтвердил:

– Наступаем... Самая горячая пора... А я здесь...

Брюс улыбнулся:

– Понимаю. Если пора горячая, не будем терять время. У нас к вам будет важное поручение, Григорий Михайлович. Задание Республики, так сказать, ибо оно касается интересов всего нашего молодого рабоче-крестьянского государства. – Он внимательно посмотрел на Круглова поверх очков и сделал ударение: – Не меньше!

У Григорий Михайловича засосало под лодыжкой. Он непроизвольно выпрямился.

– Введу в курс дела. При освобождении этого города к нам попали кое-какие бумаги из штаба генерала Эскина, командира Сибирской дивизии Колчака. Среди них обнаружен любопытный документ – личное поручение адмирала обеспечить Эскину проход некой группы к войскам генера-

ла Миллера. Руководитель группы должен был представиться лично. Как известно, соединение на севере с англичанами и Миллером было важным стратегическим замыслом Верховного правителя России... В документе коротко изложена и цель миссии – сопроводить к англичанам двух важных персон. Есть информация, что с ними особый груз – ящики с драгоценностями – и что возглавляет группу отъявленный негодяй – некий штабс-капитан контрразведки Дункель.

Брюс сделал паузу, затем многозначительно спросил:

– Вы понимаете всю важность вопроса?

– Понимаю, – поспешно кивнул Круглов.

Брюс помолчал.

– Теперь по сути. Дункеля надо найти. К сожалению, не совсем понятно, о каких особах идет речь. Неясно также, каково происхождение груза и в скольких ящиках оно перевозится. По информации – две подводы. – Брюс постучал пальцами по столу, размышляя. – Что касается особ, они, вероятно, из близкого окружения Колчака, возможно, связные для координирования совместных действий с Миллером. Относительно же груза имеется несколько версий. Либо это личные ценности упомянутых важных персон, удостоенных заботой адмирала, либо награбленное добро самого Колчака, которое он пытается вывести за границу, либо...

Брюс замолчал, что-то обдумывая.

– Либо что? – переспросил Круглов.

– Либо часть золотого запаса Российской империи, попав-

шего, как известно, в руки Верховного... Так сказать, плата за услуги...

– Ух ты! – вырвалось у Круглова.

– Вот вам и «ух ты»! – Брюс вновь пробарабанил пальцами по крышке стола.

Они помолчали.

– А чем же я... – начал было Круглов, но чекист перебил.

– Чем можете помочь вы? Скажу. Но прежде о том, как развивались события с грузом. Мы знаем, что планы Колчака соединиться с Миллером и англичанами провалились. Красная армия стремительно перешла в наступление по всему Восточному фронту. И войска настолько быстро раскололи на этом участке оборону белых, что штабс-капитан не только не пробился к Миллеру, но даже не успел уйти с отступающими частями на восток – бежал с отрядом на север, в тайгу...

– В тайгу? – Круглов удивленно поднял брови. – Откуда известно?

– Откуда известно? – Брюс усмехнулся. – Ваши земляки и сообщили... С неделю назад Дункель с отрядом объявился в районе промысловой деревни Глуховка. Вот местный председатель совета и прислал человека. Вы же сами из Глуховки?

– Да... – произнес Круглов, внезапно почувствовав сухость во рту.

– Значит, должны его знать – Федор Остапов.

– Знаю, с отцом моим охотился...

– И вы, я полагаю, охотник?

– Все там охотники.

– Такой вот нам и нужен – местный, охотник, хорошо знающий тайгу... И человек вы наш: красный командир, преданный революции – лучшего для этого дела не найти. В общем, выбор пал на вас, Григорий Михайлович! Возглавите отряд чекистов. Много людей дать не сможем – человек пятнадцать. Но люди все проверенные. Ваша задача – найти Дункеля и вернуть пролетарскому государству его достоиние. Понятно?

От неожиданности Круглов начал вставать.

– Сидите, – предупредил его взмахом руки чекист. – Не на плацу...

Круглов сел и твердо произнес:

– Понятно, товарищ Брюс! – И, словно самому себе, негромко добавил: – Как не понять...

Брюс посмотрел на Круглова:

– Еще не все... Задача не простая. Вполне возможно, что груз Дункелем уже припрятан. Трудно представить, что он станет рассекать по деревьям с таким добром. Наверняка припрятал. В этом случае, клад вы должны найти. Без самого Дункеля сделать это, конечно, трудно. Вот и выходит, что вы с отрядом в пятнадцать человек должны этого штабс-капитана достать хоть из-под земли! Но сколько у него людей – сказать трудно. Надеюсь, не пятьдесят... Хотя ваш земляк

утверждает, что около десятка. Дай бог, чтобы он не ошибся...

Брюс помолчал.

– Дело в том, что в Глуховке Дункель остановился у некоего Чалого. Знаете такого?

– Как не знать, матросы-папиросы! Управляющим был у пушного заводчика нашего, Кравцова. Сволочь та еще! И люди у него – сущие собаки!

– Вот-вот. Не исключено, что этот Чалый со своими людьми встал на его сторону. Тогда ваши силы неравны заведомо... Все ли вам понятно, товарищ Круглов? – Их глаза встретились. – В вас я уверен. Не теряйте ни минуты – все необходимое уже готово. Сегодня сбор, завтра с утра – в дорогу. Спецвагоном доедете до станции К., оттуда по узкоколейке до лесопильни. В общем, сами знаете... И еще...

Брюс снял очки, подышал на линзы и неторопливо протер платком.

– Говорить излишне, но тем ни менее... Знаю, на родине вы давно не были. Поэтому просьба: по прибытии в поселок на земляков слишком не отвлекайтесь. Дункель ждать не будет. Прежде всего – дело! Расспросите жителей, свидетелей, оцените обстановку и действуйте! Наверняка кто-то стал проводником, наверняка охотники знают, куда Дункель мог уйти, и так далее.

Брюс встал. За ним поднялся Круглов.

– Все остальное вам доведет Павел Калюжный. С ним вы

познакомились в приемной. Кстати, в отряде он будет вашим заместителем. Парень надежный: хоть из студентов, но революционер, можно сказать, со стажем... Кстати, благодаря его усилиям мы и получили бумаги Эскина. Ну, будьте здоровы!

Круглов с чувством пожал протянутую руку:

– Спасибо за доверие, товарищ Брюс!

– Ну и силище! – усмехнулся чекист, освобождая ладонь. – С такими руками и на медведя не страшно!

– Ходили, товарищ Брюс! – Лицо Круглова вдруг стало серьезным. – Только сейчас эти руки будут душить врага...

– Ну-ну, – улыбнулся Брюс.

Глава 2

Моторка, мчавшаяся вверх по течению неширокой таежной речки, внезапно сбросила ход, проскользила по набегавшей воде еще метров двадцать, развернулась в сторону правого берега и, плавно, тихо урча мотором, прошла к узкому пятачку пологого схода к реке; вдоль днища, от носа до середины решетчатого настила, мягко прошуршал песок – набежав на берег, лодка замерла. Трошка, то есть Трофим Звонарев – коренастый, в фуфайке, лет двадцати светловолосый парень с ямочками на щеках, – заглушил мотор и, шмыгнув носом, весело кивнул сидящему впереди, рядом с девушкой, пассажиру:

– Приехали, Пашка! Это Гнилуха и есть. Лови – не хочу! Рыбы – навалом!

Павел – высокий худощавый юноша, на вид лет на пять постарше своего приятеля, в стеганой пятнистой куртке и той же расцветки бейсболке, – осторожно, стараясь не раскачивать лодку, поднялся со своего места и обернулся в сторону леса; оказавшись глазами чуть выше уровня нависавшего берега, он восторженно было оглядел широкую, вытянувшуюся вдоль опушки поляну, покрытую рослой, уже желтеющей травой, но тут же отчего-то помрачнел, перевел взгляд на усмехающегося кормчего: молодое красивое лицо Павла, которому темная двухдневная щетина лишь придавала изящ-

ный мужественный вид, теперь выражало недоумение – ничего особенного в этой мирной, спокойной картине таежной природы не было...

Два дня подряд Трофим возбуждал его воображение рассказами о загадочном месте у таежной речки – пустынном, диком, богатом зверьем и с хорошей рыбалкой, но слывшем среди охотников дурным и темным из-за происходивших на ней странных, а порой и трагических случаев. Павла же всегда тянуло к загадочному и необычному... Особенно к тайге, к таежным приключениям. И виной тому, вероятно, рассказы до девяностолетия прабабки, в молодости вдоволь побродившей по таежным дебрям; и, видимо, оттого, едва женившись на Даше Звонаревой – старшей сестре сидящего позади лихого кормчего, – он страстно желал приехать к ее родным, в таежную Глуховку... А тут шурин со своим таинственным притоком... Но ничего необычного здесь не было...

Он еще раз оглядел поляну, всмотрелся в темнеющий вокруг лес, зеленый мыс справа, из-за которого шумно выбегала таежная речка, и вновь с сомнением посмотрел на парня:

– Неужели та самая Гнилуха?

– Она и есть.

– И рыбы много?

– Уйма! – провел тот ладонью по шее. – Хариуса – тьма!

Сам увидишь. Через полчаса – ведро, не меньше...

– Значит, здесь и ловят?

– Не-е, – протянул парень. – Говорю же, наши мужики эти места не любят... Ну что... выгружаемся?

Даша в толстой спортивной куртке, как и брат белокурая, круглолицая, с милыми ямочками на щеках, подняла на мужа ясные голубые глаза; ее носик сморщился:

– Выгружаемся? Ты первый...

Павел, качнув лодку, спрыгнул на песок:

– Давай руку...

Он помог жене сойти, она огляделась:

– День-то, теплый какой!

– Денек что надо, – подал голос Трошка, опускаясь в воду. – На заказ! В нашем октябре не часто бывает... Будьте там, я стану подавать вещи...

Действительно, стояла тихая ясная погода. Над макушками могучих кедров, частоколом выстроившихся на противоположном берегу речки, светило солнце – мягкое, теплое, приветливое; поляна, словно замысловатый ковер, пестрела под его лучами яркими пятнами уже выцветшей травы. И тишина, вдруг навалившаяся после многочасового стрекота мотора – таинственная, до звона в ушах...

Даша улыбнулась:

– Хорошо-то как!

– Нравится? – засмеялся парень, подмигивая Павлу. – Ну и ладно... Снесите мешки подальше, на поляну...

На разбивку лагеря ушло около часа. Когда палатка бы-

ла поставлена, вещи уложены, а у выкопанной под кострище ямы выросла кладка нарубленных Трофимом дров, все, не стовариваясь, расселись у вбитых в землю рогатин. Трофим не спеша чиркнул спичкой, поднес к неизвестно когда скрученной сигарке и, затянувшись, выпустил изо рта клубок сизого дыма.

– Ты что же – часто куришь? – покосившись, спросил Павел.

– Не, нечасто, – самодовольно оскалился парень. – Так, в охотку...

– А я так и не начал...

– И не надо! – сказала Даша.

Павел повел носом:

– Что-то крепкое...

– Самосад батин. Другим не накуриваюсь...

Павел с любопытством поглядел на шурина – веселого, неунывающего парня, внешне похожего на Дашу, и, разглядывая его важное, сосредоточенное лицо, дымящуюся на краю рта самокрутку, на лихо заброшенную на затылок кепку и пышущую жаром грудь, виднеющуюся из-под распахнутой фуфайки, невольно улыбнулся. Трофим словно почувствовал на себе взгляд, покосился и неизвестно для чего спросил уже в десятый раз:

– Значит, как расписались, так сразу сюда?

Молодожены весело переглянулись.

– Значит, сюда, – усмехнулся Павел.

– Медовый месяц, значит...

– Что-то вроде того...

– И оба, получается, на ученых учитесь?

Даша засмеялась:

– Не знаешь, что ли, – в аспирантуре...

– Только на разных факультетах, – добавил Павел. – Я на историческом, Дарюха – биологическом...

– Во как! – уважительно протянул парень. – А мы вот все здесь, в тайге...

Он затаился и, выдыхая дымок, оглядел поляну.

– А все ж красиво у нас... Скажи?

– Красиво, – согласился Павел, вслед за ним оглядываясь вокруг.

– И девки у нас самые лучшие! Это ты правильно сделал, что на Дашке женился! – Он весело подмигнул сестре, и та, склонившись к плечу мужа, просияла:

– Конечно, правильно!

Павел коснулся губами волос жены и, улыбаясь, спросил:

– Отчего ж ваши не любят это место?

– Гнилуху-то? А пес его знает... Гнилуха, она и есть Гнилуха... Место гнилое...

– Я и не была здесь. – Даша повела глазами по реке, поляне, взглянула на темнеющий вдоль него лес. – Хорошо вроде...

Трошка пожал плечами:

– Разное говорят... Было, что и люди пропадали. Пойдут

на Гнилуху – и как в омут!

– Как это? – насторожилась Даша. – Впервые слышу.

Трофим не спеша сделал еще несколько затяжек, выпустил дым в сторону и, откинув окурок, насмешливо посмотрел на сестру:

– Ты что же – забоялась? Не бойсь! Это так говорят только. При мне ничего такого не было... Да и ты, говоришь, не слыхала...

Он помолчал.

– Правда... кто бы ни пришел сюда – порыбалить, к примеру, или пострелять – обязательно что-то да и произойдет. То снасти пропадут, то зверь какой напугает – волк там какой, медведь... То завоюет кто... Гнилое место, одним словом...

Он сплюнул.

Даша настороженно взглянула на мужа:

– Может...

– Может, что? – усмехнулся Павел. – Вернуться?

Даша кивнула. Глядевший на них Трофим улыбнулся:

– Так ведь со мной ничего не было! Говорят только так. Да и рыбы здесь – море! Места нетронутые... А то смотрите, можно и другие найти...

Павел тихо обнял сидевшую рядом жену:

– Трофим у нас заговоренный, с ним ничего не случается...

Даша улыбнулась:

– Уж это да!

Трофим самодовольно хмыкнул и поднялся.

– Ладно, молодожены, разговоры разговорами, а темнеет скоро. Надо бы и рыбки к ужину набредить. Айда, Пашка, сеть таскать! – Он молодецки передернул плечами, вытянул руки ладонями вперед и громко хрустнул суставами. – Засиделись уже...

Повернулся и небрежно зашагал к лодке. Павел встал и, наклонившись к жене, нежно поцеловал в лоб.

– Ну, я пойду. Надо Трошке помочь...

Даша отвела взгляд на реку:

– Студеная, наверное. Не замерзнете?

– Мы ж недолго. Сама слышала – через полчаса – ведро... – Павел потрепал светлую челку жены.

Шурин, кряхтя, уже натягивал старый, выдавший виды резиновый комбинезон.

Вскоре, растянув сеть, они один за другим вошли в зашумевшую под ними воду. Осторожно дошли до стремнины, развернулись, стали медленно двигаться против течения, все более и более заводя левый конец бредня в сторону берега.

– Заходи, заходи, – негромко командовал Трошка. – Да, не бойсь, здесь не глубоко!

– Вправо, что ли? – фыркнул Павел.

– А то куда же! Вот... вот... И не мути слишком. Вот так... И к берегу... Идем... идем...

Возня парней привлекла внимание Даши. Она прошла к полого спускавшемуся к воде пляжу и стала с любопытством наблюдать. От вида копошащихся в реке рыбаков она, натянув воротник куртки на подбородок, непроизвольно поежилась и прошла к кромке воды.

– Паша! – позвала она. – Не холодно?

Павел мельком взглянул на жену; вместо него, не оборачиваясь, прокричал Трошка:

– Какое там! Жарко!

Набежавшая от рыбаков волна плеснула на ноги; отскочив, Даша раздосадованно посмотрела вниз и вдруг взвизгнула:

– Ой, мамочки!

– Что случилось? – прокричал с реки Павел. Он остановился и посмотрел на жену.

– Паша, что это?

– Откуда же я могу знать? – Постояв, вновь двинулся навстречу течению.

Даша осторожно ковырнула носком песок и, не удержавшись, издала истошный визг, эхом разнесшийся по реке:

– Ай-й, мамочки, мамочки!

Павел, только поднявший в толще воды ногу, от неожиданности завалился набок, на мгновение скрылся с головой под волной, вскочил и, кинув бредень, испуганно бросился к жене:

– Что случилось?

Дарья, отскочив на несколько шагов назад, чуть не плача, показывала рукой на песок и поминутно причитала:

– Паша, что это? Что это?..

Павел рассек волну и вылетел на берег. Оставшись один, Трошка с минуту растерянно глядел на него, затем сплюнул и бросился следом. Павел тем временем уже тряс жену за плечи:

– Даша, что случилось? Успокойся! Ну, успокойся... Все хорошо...

– Что это? – всхлипывая, показала она глазами.

Павел обернулся, разжал пальцы и, быстро присев на песок, разгреб круглый, темный предмет.

– Что здесь? – запыхавшись, прохрипел выскочивший из воды Трофим.

– Череп... – не оборачиваясь, произнес Павел.

Трофим склонился:

– Вот тебе раз!

Павел поднялся и обнял жену.

– Прости, я мокрый, – тихо извинился он. – Ну что ты, дуреха, это же всего лишь череп. А еще биолог...

– Ну, вот и поели ушицы! – проворчал Трошка, стягивая с себя мокрую резину. – Придется трескать консервы...

– Что это... за мерзость? – прошептала Даша, с ужасом глядя на лежавшую на берегу находку.

– Это, Дашка, опосля, – мельком взглянув на сестру, заме-

тил Трофим. – Первым делом надо Пашку разогреть... Застудится...

– Да, конечно, – потерянно пробормотала Даша. – Конечно, разогреть... Паша, я сейчас...

Она скрылась в палатке.

Трофим переобулся и, пока сестра шумно и долго копошилась за брезентовой стенкой, разложил наготовленные дрова, почиркал не сразу зажегшейся спичкой и, припав к земле, осторожно подул на занявшуюся кору. Язычки пламени, словно мотыльки, весело заметались меж смолистых кедровых поленьев, сгустив неожиданно опустившийся на поляну туман.

– Сейчас разойдется, – заверил Трофим, вставая, и кивком подозвал окоченевшего друга. – Давай, что ли, сюда...

Когда Павел, облаченный в свитер и толстые спортивные штаны, лязгая зубами, вновь подсел к огню, Трофим протянул до краев наполненную стопку:

– На, прими, однако, для согрева. Да и вещи просушить не мешало бы... Погрейтесь пока...

Он встал, подхватил на ходу торчащий в земле топор и бесшумно исчез в клубившемся за палаткой тумане. Через некоторое время в лесу послышался глухой стук.

– Ты как? – с тревогой спросила Даша, помолчав.

– Ничего, согреваюсь...

Павел протянул руки к костру.

– Прости. Это все из-за меня...

– Ерунда.

– Дурацкая история... Я как увидела эти глазницы... Сама не знаю, что со мной случилось...

Павел с нежностью посмотрел на жену:

– Не бери в голову...

– И ты промок, и сеть потеряли...

Разглядывая ее лицо, Павел вдруг подумал, как сильно он любит это милое нежное существо, какое было бы несчастье не встретить ее! А ведь мог и не встретить... Он с грустью вспомнил, как не хотел идти на тот студенческий вечер, где впервые увидел ее, как, едва взглянув, уже не мог отвести глаз и как, одеревеневши от мимолетного взгляда, пригласил на танец и потом долго не мог произнести ни слова... А это пронзившее его «Ой, мамочки!»... Этот крик напомнил ему, как однажды, подвернув ногу, она так же беспомощно вскрикнула и он, остолбеневший и испуганный, вдруг всем существом почувствовал как ее боль отзывается в нем самом... Казалось, он готов был на все, лишь бы никогда больше она не испытывала страданий, которых не перенес бы... Губы неожиданно зашептали:

Вершины гор прекрасны чистотою!

И в дождь осенний с желтою листвою

Прекрасны вдруг расцветшие цветы!

Все в мире, что согрето красотою —
Все есть в тебе, все воплощаешь ты,
Во всем твои мне чудятся черты!

Даша, не мигая, посмотрела на него повлажневшими глазами, прильнула к щеке и быстро поцеловала.

– Спасибо! Небезупречный, но милый отрывок... Весь сонет я только что прочла в палатке. Прости – нашла в твоём рюкзаке... когда рылась... Сам писал?

Павел смущенно посмотрел в счастливые глаза жены:

– Автор, по правде, мне неизвестен. Но стихи... Мне они показались теми, которые я посвятил бы тебе... Даже заучил их. – Он помолчал, словно раздумывая, стоит ли говорить. – У меня есть одна тетрадь...

– Гнилуха, одним словом! – послышался позади голос Трофима, заставивший его замолчать. Супруги обернулись. – Я же говорил: здесь всегда что-нибудь случается... – Он скинул на землю свежие колья. – Только не беда! Завтра сеть достанем, а одежду сейчас просушим...

Потоптавшись у рогатины, Трошка поднял один из кольев, примерился и несколькими ударами топора вогнал его в траву. Другой кол был вбит у второй рогатины.

Павел и Даша молча наблюдали: Трофим натягивал на колья веревку.

– Тащите мокроту свою, – не оборачиваясь, сказал он. – Через час – все будет сухеньким...

Когда сырая одежда повисла над костром, Трошка присел рядом и вновь закурил. После нескольких затяжек, он pokrутил головой и затем кивнул в сторону реки:

– Странная находка, однако... И как это ты нашла-то?..

Даша вздрогнула. Помолчав, она едва слышно прошептала:

– Он человеческий...

– Человеческий, конечно. А то как же!

– Значит... здесь кто-то погиб?

Трошка, задумавшись, выпустил изо рта дым.

– Выходит, погиб... Давно, однако. Черепок-то совсем трухлявый... – Он покосился на череп. – А ведь и верно, просто так черепа не валяются; никак утоп кто здесь... Может и убили кого... Поглядеть бы надо...

Трошка приподнялся.

– Не надо! – вскрикнула Даша. – Зачем?

Парни с удивлением покосились.

– Я лишь взглянуть, – сказал Трофим. – Кость это только...

Он некоторое время постоял в нерешительности и, не дождаввшись возражений, направился к берегу.

Череп Трофим рассматривал долго, склонившись, осторожно, одним пальцем, вертя кость то в одну, то в другую сторону. Наконец поднял голову и громко, чтобы было

слышно у костра, прокричал:

– Однако правда, кажись!

– Что? – сорвавшимся голосом крикнула в ответ Дарья.

– Убили, кажется... Вот и дырка на затылке!

– Дырка?!

В размывавшем его очертания тумане было видно, что Трофим поднял череп.

– Ой! – взвизгнула девушка. – Не надо сюда!

Парень издали взглянул на супругов, опустил череп на прежнее место и поспешно накинул на него тряпку, захваченную перед этим с лодки.

– Васильичу показать надо, – сказал он, подходя ближе. – Дело-то, по всему, темное...

– Кто это? – тихо спросила Даша.

– Васильич-то? – Трофим сел рядом. – Забыла уже? «Аниськин» наш – участковый...

– Я не засну, – прошептала Даша.

Трофим удивленно взглянул на нее и зачем-то поднял глаза к лесу:

– Однако стемнеет скоро... Надо и ужин состряпать. Сидите пока, я воды наберу.

– Только не здесь! – взвизгнула Даша.

Трошка, помедлив, кивнул:

– Хорошо, я в сторонке...

Он встал, подобрал котелки и зашагал в затянутый уже плотной дымкой конец поляны.

– Я скоро! – бросил он на ходу.

– Паша, мне страшно! – воскликнула Даша, как только брат, пройдя поляну, скрылся в тумане. Она беспомощно посмотрела на мужа. – Я не засну рядом с этим...

Павел обнял жену за плечи.

– Да что ты, Дашка! Ведь всего лишь кость! Дряхлая и никчемная! Ты же биолог! Сама все знаешь...

– Но ведь кого-то убили... Здесь, на этом месте...

– Это наверняка было давно...

Он прижал женскую головку к груди. Сердце отчего-то заколотилось, словно от предчувствия чего-то неясного, но давно ожидаемого...

– Не думай об этом... – нежно произнес он. – И, вообще, надо заняться ужином... Сейчас возьмемся и начистим картошки, ладно? – Павел провел рукой по волосам жены и поцеловал. – Ну, пойдем, что ли?

На поляне Трофим появился спустя полчаса. Шел не спеша с разведенными в стороны котелками, словно боясь расплескать на себя воду, изредка, на ходу, для чего-то утираясь лицом об плечо, как если бы отбивался от надоедливых комаров.

Ужин проходил уже в полной темноте. Дарья вяло поковырялась в картошке, сдобренной тушенкой, задумчиво по-

пила у костра чай и, оставив кружку в сторону, тихо уткнулась взглядом в полыхающие и пышущие жаром поленья.

– Даш, может, тебе выпить? – осторожно спросил Павел.

– Нет, не буду, – тихо ответила она. – Просто посижу.

– О чем думаешь?

Даша повела плечами:

– Странно как-то... Здесь погиб человек... А мы...

Друзья посмотрели друг на друга.

– А что остается, Даш? Бог знает, когда и было-то, бог знает с кем...

В наступившей тишине, слова Трофима прозвучали неожиданно:

– А я, кажется, могу сказать, кто это был...

Две пары глаз устремились на Трофима; тот даже смутился.

– За мысом нашел в прошлом году... Километра два от него... – словно оправдываясь, проговорил он. – Показалось, будто зверь какой у камня, вроде волк... Ну, я и стрельнул дуплетом...

– И что?..

– Ну, волк исчез! Как сквозь землю! Подхожу, склоняюсь... а под камнем – пластинка металлическая; стальная, скорее всего... Потом только понял – кобура деревянная была, такая как от маузера... У нас есть такая откуда-то, Дашка знает. А пластинка эта – аккурат от нее, кобуры, значит. Верно – прибита была: дырочки для гвоздиков имеются. Я

примерял на своей – подходят; на ней также дырки имеются... Хотя попорчена сильно, пластина, но буквы некоторые остались...

Трофим протянул руку внутрь фуфайки, поерзал и осторожно вынул что-то, завернутое в носовой платок.

– Все из кармана не выложу... Вот – глянь! Это, историк, верно, по твоей части...

Он аккуратно, по одному, откинул концы платка и протянул находку Павлу.

Странное чувство охватило Павла, когда подернутая тлением пластина оказалась на ладони; ощущение чего-то неприятно-знакомое вдруг повеяло от шершавого кусочка металла...

– Ну-ка... посвети... – медленно произнес он.

Трофим натянул на лоб фонарик и включил свет.

– Действительно – буквы... «хра... шт... ан... Дунк... Ю... 18».

Даша подвинулась ближе:

– И что они могут означать?

– Трудно сказать... – Павел помолчал. – Здесь, что же – белые были? – спросил он вдруг. Трофим уставился на шурина.

– Ты не в глаза свети! – поморщился Павел.

– А что ты вдруг о белых? – удивленно спросил охотник, вновь опуская голову.

– Да так. Если «Дунк...» – часть фамилии, «Ю...» – одна

из букв инициалов, то «18», возможно, – год, например – «1918-й».

– И что с того? В восемнадцатом здесь и красные шастанли...

– Может и красные... – Павел задумался. – Однако что означает «шт...»? «Штаб»? Штаб чего? Армии? Бригады? Но здесь стоит «...ан». Может, воинское звание? «Штабс-капитан», например...

– Ты еще скажи – «Овечкин»...

Луч, исходящий с трошкиного лба, затрясся от мелкого смеха.

– Чудак ты! – отмахнулся Павел. – Лучше – свети!

– А что же тогда означает «хра...»? – спросила Даша.

– Вот именно, – пробурчало из-под фонаря.

Павел почесал затылок.

– Ну... если предположить – пластинка от наградного оружия, то... То, возможно – это часть слова «За храбрость»!

– Во даешь! – выдохнул Трофим. – И что получается?

– А тогда и получается: «За храбрость штабс-капитану Дунк. Ю. 1918 год».

Наступила тишина. Трофим щелкнул выключателем фонарика, и на лицах друзей вновь запрыгали блики костра.

– Однако слишком складно... – выдавил наконец Трофим. – Ладно! Давай пластину. Нехай Васильич разбирается... Это по его части...

Когда находка была водворена на прежнее место, он

вздохнул:

– А и в правду говорят – гнилое место... Может, и действительно – штабс-капитан какой был...

Дарья встрепенулась:

– А, может, действительно... это его... на берегу...

Парни разом посмотрели на нее. Трофим встал.

– Может, и его... Только надо на боковую...

Он повертел головой и, пригнувшись, несколько раз потянул носом.

– Поутру погода, кажись, попортится... Айда, укладываться, что ли... Только прибраться надо. Иначе ночью здесь «хоровод» будет.

– Это какой? – не понял Павел.

– Простой – тварь всякая пировать придет. Мыши там, а кто и крупнее.

Даша брезгливо передернулась.

– Да не бойсь! Дело привычное... Продукты в ящиках; в палатке им ничего не станется...

Павел проснулся внезапно. От страшного сна... Чья-то пугающая тень... Нет, даже не тень, а отчетливый черный силуэт кого-то в черном плаще... И не в плаще – в каком-то широком длинном платье с балахоном... Лица не видно, но он уверен, что это была женщина – пожилая, в шляпе... Шляпе? Да, в шляпе... с широкими полями... Она удаляется по поляне, а он почему-то идет за ней, по мягкой траве,

и пытается понять, куда его ведут... А потом? Павел поморщился. Потом показалась Даша, она шла впереди, вслед за женщиной... Он звал ее, но она, изредка оборачиваясь, все шла и шла, а он никак не мог их догнать... Вот они оказались в конце поляны, прошли на мыс... Даша пропала. Внизу журчит вода... Женщина остановилась, стала оборачиваться и... он проснулся...

Павел слышал, как лихорадочно билось сердце; он приподнял голову, прислушался – тихо... Кажется, стало спокойней. Вдруг словно пронзило током: рядом, за тонкой брезентовой стенкой, послышался совершенно отчетливый вздох! Павел замер; кто-то вздохнул вновь – громче, печальнее... В темноте он почувствовал, что рука Даши зашарила по его спальнику.

– Паша... – прошептала она. – Слышишь?

– Слышу, – прошептал Павел.

Они прислушались. Ни звука... И вдруг – шорох! Через мгновение вновь, чуть дальше, у реки.

– Ты слышишь! – Даша испуганно приподнялась.

– Спице, черти! – пробубнил сонный голос Трошки. – Зверь это...

Сказал и засопел, словно говорил во сне...

Глава 3

Брюс был прав: к приезду Круглова все к выполнению задания было готово – люди подобраны, снабжены продуктами и даже переправлены вместе с лошадьми в район «Лесного» – последнего пункта, куда доходила узкоколейка. По ней в город поставлялся лес. Круглову оставалось лишь получить четырехдневный паек, застаться картой, боеприпасами и получить документы, уполномочивающие его как командира особого отряда Губчека.

Заместителем Круглова, как и предсказывал Брюс, приказом председателя губернского Чрезвычайного комитета, был назначен Павел Калюжный – тот самый «сухарь» из приемной, которому Круглов мысленно подбирал «экзекуцию» на передовой. Он действительно оказался незаменимым парнем – без лишних слов организовал сбор к походу, подробно доложил о готовности отряда, ввел Круглова в непростую оперативную обстановку губернии. Последнее происходило уже вечером, в пустом полутемном кабинете. Они сидели за столом, друг против друга, склонившись над разложенной картой края.

Калюжный докладывал негромко, короткими, но емкими фразами рапорта. Круглов слушал внимательно, но не бесстрастно. Сводку о предполагаемом количестве на освобожденной территории дезертиров, бесчинствующих в рай-

оне бандах и уголовщине, процветающей в разоренных войной городах и деревнях, комэск выслушал, хмурясь, но сдержанно; лишь однажды из его уст вырвалось нечто, похожее на возмущение. Но когда замком упомянул, что к успехам Красной армии местные жители относятся далеко не однозначно – немало было и тех, у кого в колчаковской армии служили мобилизованные родные и близкие, – Круглов вдруг изменился в лице:

– Шкуры колчаковские! Контра недорезанная! – Кулак комэска, словно кувалда, потряс стол. – Бить их надо, а ты здесь докладки пописываешь – интеллигенция! Чем вы вообще занимаетесь!..

Ни один мускул Калюжного не дрогнул. Молча, с каменным выражением он смотрел на замелькавшую перед носом руку комэска, готовую схватиться за рукоятку шашки, и молча ждал, когда красный командир успокоится.

Через пару минут, потрясших комнату вулканом крутых выражений, Круглов выдохся. Глаза их встретились: Калюжный смотрел спокойно, с достоинством. Круглов смутился. В непонятном ему спокойствии он вдруг почувствовал волю и скрытую силу. Это вызвало уважение. Сопя, он опустился на стул:

– Ладно... К присутствующим это не относится...

Ночевать остались здесь же, в кабинете, на неизвестно откуда принесенных койках. Легли рано – еще не было двена-

дцати; вставать предполагалось в пять утра.

Но заснул Круглов не сразу. У противоположной стенки мерно сопел заместитель. «Странный парень, – думал Григорий, глядя в потолок. – Кажется, серьезный. Хоть из “интеллигентов”, но – поладим... Вот только его чертова неразговорчивость! За день так по душам и не поговорили, все по службе, да по-казенному... Хоть бы о себе рассказал, что ли! Только и узнал, что родители из докторов, да что колчаковцы казнили их за сочувствие красным. Оттого, видать, и замкнулся. Злой небось на беляков... Хотя и то ладно, в душу не лезет, да и о деле забыть не дает! Студент... Зря я все-таки на него наехал...»

Круглов отвернулся к стенке и закрыл глаза.

«Брюс говорил, что он “революционер со стажем”... Как может быть, матросы-папирасы? Большевик, что ли? Вот Брюс – большевик, из старых... По-всему видно. Сильный мужик, хоть и ростом не велик!»

И он подумал о неожиданном повороте судьбы, бросившей его на поиски неизвестного штабс-капитана; о Брюсе, говорившем о «задании республики», об ответственности, павшей на него, Круглова, о том доверии, которое надо оправдать во что бы то ни стало... «Расшибусь, но достану этого Дункеля! Из-под земли достану!» – мысленно поклялся Круглов.

Потом подумал, что все это неспроста – Дункель, поручение Брюса, Глуховка, Чалый, скорая, неожиданно наметив-

шаяся встреча с матерью, младшим братом, родными местами... Григорий приятно потянулся...

Разбудила Круглова чья-то рука. Комэска открыл глаза.

– Пора, товарищ Круглов, – негромко сказал незнакомый голос. – «Фаэтон» уже у подъезда.

Григорий кивнул и приподнялся на локти: Калюжный натягивал гимнастерку.

– Пора так пора... – Круглов откинул одеяло и сел на край койки. Посмотрел в окно – было темно.

На запасном пути станции, под уныло светящемся фонарем, их ожидал фыркающий парами паровоз с прицепленным к нему одиноким вагоном. У подножек стоял военный, беседуя с пожилым машинистом, потирающим руки темной маслянистой тряпкой. Разглядев вышедших на свет людей, военный что-то сказал ему, и тот, кивнув, поспешил к паровозу.

– Готов? – не здороваясь, спросил Павел мужчину в шинели.

– Готов, – закивал тот.

– Кто-нибудь еще едет?

– Нет. Приказано вас одних.

Калюжный повернулся к командиру:

– Проходите, Григорий Михайлович, отправляемся...

Устроились в купе рядом с местом проводника. Круглов забросил мешок на верхнюю полку и прошел к окну. Едва опустил стекло, вагон дернулся; послышались скрежет колес, шипение вырвавшегося на свободу пара, длинный, заглушивший округу гудок, и тяжело, нехотя состав сдвинулся с места.

– Окно лучше закрыть – продует, – слышалось за спиной Круглова. Он обернулся: Калюжный деловито снимал шинель.

– В первый раз еду в пустом вагоне, матросы-папиросы, – усмехнулся комэска. – Как буржуй!

Он опустил стекло, за которым уже мелькали огни станции, и спросил:

– Сколько ехать? Помню – часа четыре?

– Четыре и будет. – Павел свернул шинель и подложил как подушку к стенке под окном. – Самое время поспать.

– Может, покурим?

– Нет, лучше спать.

Круглов сел напротив.

– Ты, что же, некурящий, матросы-папиросы? Что-то я ни разу не видал тебя с махоркой.

Калюжный стал укладываться:

– Некурящий. Ни разу и не пробовал.

– Эка какой чистенький, правильный весь... – съязвил Круглов, доставая кисет. – Неужто революционеры такими бывают?

– Бывают.

– И что же, «вождь мирового пролетариата» тож не курящий?

– Говорят, не курит...

– Быть того не может! – Круглов недоверчиво поглядел на растянувшегося заместителя и облизнул сигарку.

– Может, – ответил парень, закрывая глаза. – А курить лучше в тамбуре.

– Это чтобы тебя не обкурить?

Павел промолчал. Комэска достал спички.

– Ладно, уйду в тамбур. Ты только скажи мне, найдем мы этого чертового Дункеля, матросы-папиросы?

Глаза Калюжного вдруг открылись:

– Должны!

Сигарка замерла на губах Круглова. Он медленно вынул ее изо рта и тихо сказал:

– Вот это правильно, парень... Это я так спросил, для разговора...

Он встал и осторожно вышел в тамбур.

Когда вернулся, Калюжный уже спал. Круглов помаялся, раздумывая над задевшей за живое уверенностью зама, и под стук колес, сидя, задремал. Потом очнулся и, сняв шинель, улегся.

На станции К. их провели к платформе, с которой началась линия узкоколейки. Как и утром, у крохотной пыхтя-

щей «кукушки» их поджидало двое – усатый машинист, одетый в короткую промасленную куртку, и молоденький красноармеец. Только на этот раз вместо теплого вагона к паровозу была прицеплена небольшая, соразмерная ему самому открытая платформа, похожая больше на огромное корыто. Они подошли ближе.

– Вы, что ли, пассажиры? – громко, чтобы его расслышали в шипении «кукушки», спросил усатый.

– Они, они, – ответил за пассажиров сопровождавший их комендант станции. – Давай, заводи, своего «ишачка»! Ваня, тулупы принес?

Последние слова уже предназначались стоявшему рядом красноармейцу. Тот встрепенулся:

– Я их того, уже на платформу...

– «Того, того», – передразнил комендант и объяснил: – Дорога неблизкая, верст шестьдесят. На открытом воздухе, того и гляди, продрогните. Так что оденьтесь сразу.

Они попрощались, перелезли через борт и, накинув комендантские тулупы, махнули машинисту: «Давай!»

Паровозик выпустил струю пара, словно набираясь сил, прокрутил с лязгом колеса, пробуя их силу, и медленно, почти незаметно тронулся с места. Комендант поднял руку, махнул несколько раз и по губам они прочли то, что уже не было слышно: «С богом!»

Круглов, уткнувшись в ворот тулупа, улегся поудобней вдоль борта и поглядел на Калюжного. Тот остался сидеть спиной к паровозу и молча смотрел на удаляющуюся станцию. Круглов усмехнулся и, скорее чтобы расшевелить молчуна, чем для дела, прокричал ему:

– До лесопилки доедем, а дальше как же? От нее до Глуховки еще верст шестьдесят. Мы-то с тобой как, пешком, что ли?

Калюжный ответил, не поворачивая головы:

– Наши лошадки уже там, я вам докладывал...

– Докладывал, помню... – разочарованно пробубнил под нос Григорий и подумал: «Ну и скучный же ты, холера! Слова лишнего не вытянешь, матросы-папиросы... Как с тобой бабы общаются? Хотя... такие для них надежней. Если в дружбе, конечно...»

Потом он задремал. Скорее заснул. Видно, много ночей он недоспал за свои четыре года войны – вот и клонило ко сну могучий организм каждый раз, как выпадала возможность... И спал он крепко, без сновидений, не замечая мелькавшей по обеим сторонам тайги...

Когда проснулся, Калюжный по-прежнему смотрел на рельсы, монотонно выплывающие из-за края «корыта» и, словно струйки, вытягивающиеся в тонкие серебряные полоски. Круглов приподнялся, отворотился от ветра и, распахнув тулуп, достал кисет. С трудом свернул на ветру сигарку, долго чиркал спичками, гаснувшими одна за другой

и, наконец, прикурил.

– Какая она большая... – сквозь грохот колес донеслось вдруг до слуха Круглова. Он удивленно поворотил голову в сторону соседа и прокричал:

– Чего говоришь?

– Земля, говорю большая!

Григорий посмотрел вдаль, где сходились убегающие рельсы, озирнулся по сторонам и, усмехнувшись, покачал головой: во дает! Громко, чтобы быть услышанным, прокричал:

– Большая, студент, это точно!

– Скоро будем на месте! – слышалось вновь.

– Да, пора бы, матросы-папиросы, – буркнул Круглов и затаился глубоко, с удовольствием...

На пустынной платформе их встречал молодцеватый, с отвислыми усами военный, запахнутый в скрипучую, стянутую ремнем кожаную тужурку. На голове, набекрень – такая же кожаная фуражка с огромной красной звездой, на боку – огромная кобура, которую, как шашку, он постоянно придерживал рукой, а в черных глазах – лихие искорки... Чекист помог сойти им с платформы и коротко, по-военному представился:

– Комвзвода Прокопенко.

– Командир нашего отряда – товарищ Круглов, – пропуская вперед начальника, пояснил Калюжный.

– Ясно, – кивнул комвзвода. – Товарищ командир, отряд в пятнадцать человек – за платформой. Построить?

– Как зовут-то? – спросил Круглов.

– Петром... Петр Васильевич.

– К выходу готовы?

– Готовы.

– Тогда – строй!

Прокопенко быстро поднес руку к козырьку и, повернувшись, поспешил к отряду.

Приняв рапорт, Круглов поздоровался, прослушал нестройное приветствие строя и стал медленно обходить шеренгу. Внимательно, словно откладывая в памяти, вглядывался он в лица представляющихся ему бойцов и про себя отмечал: хлопцы в основном молодые, крепкие, в добротной, хотя и не новой форме, хорошо вооружены. Смотрят прямо, решительно. Внешне – орлы! Вот только нюхали ли пороха?

Он остановился напротив двух чекистов, на вид старших его по возрасту.

– Красноармеец Свяцов, – негромко представился первый.

– Петрушин, – в тон ему доложил другой.

Круглов по очереди оглядел их.

– Воевали? – спросил он, обращаясь сразу к обоим.

В глазах Свяцова сверкнули лукавые искорки:

– А то как же, товарищ командир! Как полагается. При-

шлось вшей покормить!

– И не один год! – добавил сосед.

Круглов сделал шаг назад и провел взглядом по строю:

– Остальные как же?

– Все здесь навоеванные, – пронеслось по строю.

– Так и есть, товарищ командир, – заверил Петрушин. – Все в отряде воевали, не смотрите, что безусые. Может, кто на фронте и рядом был...

– Сами-то не на Юго-Западном, не под Брусиловым ходили? – поинтересовался Круглов, теплея.

– Не-е... Сам я на Северо-Западном, потом на Северном, а войну в Польше принял. А вот кто на австрияков ходил, такой здесь имеется. Земляк ваш, между прочим, местный...

– Это кто же таков, матросы-папиросы?

– Я это! – выкрикнул кто-то из строя. – Не признал меня, Григорий Михайлович?

Круглов, разглядев долговязого бойца, приблизился.

– Постой, постой... Васька, что ли?

– А то кто же? Он и есть, Василий Пыреев! Забыл, как мы у бабки Парашки вместе яблоки тырили?

– Как не помнить! До сих пор спина от батиных батогов горит!

По строю прокатился смех. Круглов обнял земляка – сухого, со впалыми щеками красноармейца, с глубокими морщинами на краях уставших глаз, на вид – старше его года на два; потом отстранил его и быстро вышел на середину строя.

– Товарищи чекисты! Я назначен командиром вашего отряда, – прокричал он торжественно и показал на стоявшего рядом Павла. – Моим заместителем назначен товарищ Калюжный Павел Андреевич!

– Знаем его! – раздалось несколько голосов.

– Тем лучше. Время тяжелое. Наша доблестная Красная армия из всех сил бьется с ненавистной гидрой старого стоя – Колчаком! И нам бы сейчас сражаться на полях революционной войны, так нет же! Здесь, в тылу, бродят недобитые белые гады, норвящие подло ужалить советскую власть в самое ее сердце! Так что наш фронт здесь! Нам дан приказ – обезвредить в районе Глуховки отряд белого офицера Дункеля, покончить с бандой его приспешников из местных кровопийц и вернуть народу добро, которое они пытаются растащить!

Он помолчал, гордо оглядел притихший строй и добавил:

– Время не ждет, товарищи, дорога каждая минута! До Глуховки путь неблизкий – верст шестьдесят, да по тайге. Так что выступаем немедленно! Привалов один-два. К третьему дню надо быть на месте. Вопросы есть?

Шеренга молчала.

– Выходим через пятнадцать минут! Все. Разойдись!

– Разойдись! – громко повторил команду Прокопенко.

Круглов повернулся:

– Показывай, комвзвода, наших рысаков, матросы-папиросы!

Глава 4

В Глуховку возвращались в молчании. Не то от усталости, не то от оглушающего рокота мотора, а может, от вида покачивающегося внизу, в проеме носового отсека, серого свертка, с которого Дарья не сводила глаз – так или иначе, говорить не хотелось. Только, когда слева показались избы поселка и мотор, недовольно чихнув, перестал реветь, Павел, обернувшись, спросил Трофима:

– И куда мы теперь?

Даша удивленно покосилась:

– Разве не домой?

Павел кивнул на сверток:

– А с этим как?

Трофим развернул лодку в сторону гаражей и пожал плечами:

– Васильич у реки живет; если у себя – сразу и отдадим... Если нет – зайдем в его контору...

Дом участкового действительно находился невдалеке от лодочных гаражей. В одном из них, разгрузившись, рыбаки сложили походный скарб, выкатили из-под навеса старенький, с разбитой люлькой ИЖ и, оседлав его, застрекотали надрывно и гулко по склону холма к деревне. Въехав на вершину, свернули на главную улицу, тянущуюся параллельно

берегу, проехали еще немного и вскоре, пофыркав глушителем, остановились у небольшого бревенчатого дома, отличавшегося от остальных разве что широкой остекленной верандой. Во дворе маячила чья-то согнувшаяся фигура.

– Жена Васильича, – сказал Трофим, заглушив мотоцикл. – Сейчас и спросим.

Он перекинул ногу через сиденье, соскочил и, подмигнув молодоженам, направился к забору.

– Теть Нюр! – зычно прокричал он, закидывая руки поверх ограды. – Здорово ли живете?

Круглая мешковатая фигура в фуфайке разогнулась и медленно повернулась:

– Ты, что ли, Трошка? Да ничего живем. И тебе того же...

– Теть Нюр, а Васильич не дома?

– У себя, в конторе с утра. Скоро уж и прийти должен, обедать.

Женщина подошла к забору и, щуря усталое морщинистое лицо, спросила:

– А это кто с тобой?

– Не узнаешь, теть Нюр? Дашка с мужем приехала. Ездили вот порыбалить.

– Дарья? Что ты! Какая стала! Красавица... Здравствуй, Даша! Погостить, что ли?

Даша сошла с люльки:

– Погостить, теть Нюра, здравствуйте!

– Здравствуй, здравствуй, милая... Меня и не помнишь

небось?

Ямочки на щеках девушки округлились:

– Как же не помнить, тетя Нюра, помню! Как же можно забыть?

– Так ведь поди лет семь прошло... – Она кивнула на стоявшего позади Павла. – Говорили – замуж вышла... Не они ли это? Как звать-то?

– Павлом.

– Здравствуйте! – смущенно улыбаясь, кивнул Павел.

– Здравствуй! Москвич, значит? Когда же пожениться успели?

– Три месяца назад.

– Как хорошо-то! Медовый месяц, значит... У нас решили провести?

– Да вот решили. Отпуск взяли.

– Хорошо. И какой же твоя фамилия стала?

– Клычкова, тетя Нюр.

Женщина встрепенулась:

– Так вы, может, зайдете? И Васильич скоро явится...

– Нет, тетя Нюр, – замотал головой Трофим, – поедем.

Только вернулись. А к Васильичу мы сейчас завернем – контора все одно по пути.

– Ну, смотрите. Время будет – заглядывайте...

– Зайдем!

Мотоцикл покатыл по безлюдной улице – вдоль заборов

с калитками и лавками, мимо серых изб с садами и амбарами... Вскоре свернули налево, в узкий проулок, проехали еще несколько дворов и, наконец, чихнув мотором, притормозили у крыльца неказистого дома, окна которого в отличие от других изб были без ставен и обычных занавесок.

Трофим вытащил ключ зажигания.

– Приехали! Пошли вместе, что ли? Только захвати ее... эту штуку... – кивнул он Павлу.

Трофим вошел в избу без стука, пройдя по узким сеням, остановился перед обитой войлоком дверью и подождал замешкавшихся родственников.

В просторной комнате, напротив входа, стоял заваленный бумагами стол, над доброй третью которого нависал широкий запыленный плафон старомодной канцелярской лампы. На передней стенке висел пожелтевший портрет «железного Феликса»; вдоль правой стены – почти до двери в смежную комнату – ряд потемневших от времени стульев.

За столом, склонив голову, сидел мужчина лет сорока пяти в милицейской куртке; на плечах одинокими полосками краснели погоны старшего лейтенанта. Мужчина поднял тронутую сединой голову и посмотрел на вошедших добрыми серыми глазами.

– Здравствуй, дядь Захар! – бодро поздоровался Трофим.

– Здравствуй, молодец! – ответил милиционер, уставив-

шись на смущенно вошедшую за ним пару. – А это никак Дарья со своим мужем?

– Знаете уже?

Милиционер усмехнулся:

– Как не знать? Вся округа говорит...

– Ладно тебе, Захар Васильевич! Дело у нас, поговорить надо...

– Ну, раз надо – садитесь. Берите стулья, да подсаживайтесь.

– Спасибо, – почему-то покраснев, сказала Даша.

Они придвинули стулья.

– Зовут-то как? – спросил Дарью участковый, кивнув на парня.

– Павел.

– Это хорошо... – улыбнулся милиционер. – Ну, слушаю вас, пострелы. Какое такое дело у вас?

Ребята переглянулись.

– Здесь вот какая штука, Захар Васильевич... – начал Трофим. – Мы тут на Гнилуху ходили, порыбалить...

– На Гнилуху? – поднял брови участковый. – И что вас туда-то понесло?

– Пашке захотелось... Короче, стали мы бредень таскать... так Пашка оступился – да под воду с головой!

– Это криминал... – усмехнулся Захар Васильевич.

– Да погоди, дядь Захар: оступился-то он от крика, вот ее, – Трофим кивнул на сестру. – Она закричала – и тот осту-

пился...

Участковый с любопытством поглядел на девушку:

– И с чего же кричала?

– Так ведь череп она нашла на берегу человеческий! – не дав ей ответить, воскликнул пареньь.

– Череп?

– Вот он... Паша – давай!

Павел привстал, осторожно выставил круглый сверток перед милиционером и развернул его.

Лицо участкового стало серьезным.

– Однако подарочек...

– Смотри, дядь Захар, – подскочил пареньь, – здесь и отверстие есть... Никак пуля?

Милиционер поднялся, осмотрел потемневшие останки; вытащив со стакана карандаш, развернул им череп лобовой частью на себя, затем вновь развернул.

– Что скажешь, дядь Захар?

Дядя Захар молча рассматривал отверстие в затылочной части.

– Череп – это серьезно, – пробурчал он. – Где нашли-то? Небось у поляны?

– У поляны.

– Худое место, однако... Череп старый... совсем даже... На Гнилухе пропадало два охотника... но этот – совсем старый... – Захар Васильевич поднял голову. – Что-нибудь еще находили?

Ребята вновь переглянулись.

– Находили! – не удержалась Даша.

Участковый вопросительно посмотрел на нее, затем уставился на Павла.

– Он нашел... – смутившись, торопливо кивнул на Трофима Павел. Васильич перевел взгляд на охотника.

– В прошлом году еще было – пострелять ходил, дядя Захар. С километра два отошел от мыса, где Гнилуха петлю делает, вверх по течению, значит, и у камня, на берегу, нашел вот это...

Трофим расстегнул пуговицу нагрудного кармана и осторожно достал завернутую пластину.

– На кобуре, видно, была прибита, маузера... Здесь и буквы есть... смотри! – Трофим ткнул пальцем в находку. – Павел говорит, что здесь написано: «За храбрость штабс-капитану Дунк. Ю. 1918 год»...

– Это только предположение, конечно, – замаялся Павел.

– Понятно... – протянул Захар Васильевич, не отрывая глаз с пластины. – «Дунк. Ю.»... Неужели... правда?

– Что именно?

– Да, так... ходили здесь слухи... до меня еще. Так вы хотите сказать, этот «Дунк» как-то связан с черепом? – Он показал глазами на сверток.

– Возможно, это подскажет экспертиза? Если совпадают по времени, то быть может... – Павел замолчал, почувствовав, что невольно дает советы профессионалу.

– Это, конечно... – словно не заметив этого, согласился Захар Васильевич. Он отложил пластину, опустил на стул и окинул ребят взглядом:

– Поговаривали здесь об одном штабс-капитане...

– Штабс-капитане? – переспросила Даша.

– О нем... Хотя уже и не вспомнить в связи с чем... Кажется, что-то искал в этих местах... Знаете что... – участковый помедлил, – находки ваши останутся, пожалуй, у меня. Мы их на экспертизу отправим. Но что касается пластины с буквами... с ней надо сходить к деду Прохору...

– Прохору? – отчего-то смутился Трофим.

– К нему. А что это ты так раскраснелся? – усмехнулся Захар Васильевич. – Уж никак внучка прохоровская запала?

– Ничего не запала! – вспыхнул Трофим. – Скажешь еще, дядя Захар!

Супруги переглянулись.

– А зря, – как ни в чем ни бывало, заметил милиционер. – Девка она – ничего...

– Дядя Захар! – взвизгнул Трофим.

– Ладно, ладно... Это ваши дела. Только Прохор кое-что знает об этой истории...

– Какой истории? – спросила Дарья. – Он знает, кто погиб там... на реке?

– А вот у него и спросим... Если кто и знает о капитане, так это он. – Он помолчал. – Давайте так сделаем. Сейчас сходим поснедаем, а после я наведаюсь к старику. Ну а по-

надобитесь – кликну вас. Добро? Только – чур! – по поселку
небылицы не разносить! Уговор?

Трофим быстро заморгал:

– Уговор-то уговор, Захар Васильевич, да только мы точно
понадобимся!

– Уверен? – улыбнулся участковый.

– Уверен, Захар Васильевич. Дед точно захочет узнать че-
го-нибудь еще!

– Охота вам время терять? Только вернулись ведь.

– Мы не устали, – поспешно заверил Павел. – Правда,
Даш?

Даша неопределенно кивнула.

– Вот видите!

Захар Васильевич лукаво повел глазами по лицам неждан-
ных гостей.

– Ну, бог с вами! Делайте свои дела – да через час – у деда.
Идет?

– Идет!

Через час они стояли у калитки прохоровского дома. По-
года, начавшая меняться еще с утра, теперь окончательно
испортилась: небо заволокло свинцовыми тучами, готовы-
ми пролиться осенним дождем, вокруг потемнело, холодный
ветер нервными порывами заходил по опустевшим дворам,
поднимая то там, то здесь столбы пыли и листьев.

– Что-то запаздывает участковый, – поеживаясь, сказал

Павел.

– Придет, – буркнул Трофим. – Васильич человек аккуратный.

– Шла бы ты домой, – поправляя воротник жены, сказал Павел, – прохладно...

Даша покачала головой:

– Нет, я с вами.

– Смотри, а то шла бы...

– Во! – фыркнул Трофим, презрительно уставившись за спины жавшихся друг к другу супругов. – Идет, коза!

Павел и Дарья обернулись: по улице, с набитой продуктами авоськой, в мужской охотничьей куртке шла миловидная девушка лет семнадцати – тонкие черты лица, легкий румянец на щеках, полные чувственные губы... Но высоко поднятая голова, уверенная поступь, смелый взгляд больших карих глаз, сверкающих из-под натянутой до бровей шапочки – все это предавало ей вид независимой, знающей себе цену недотроги.

– Кто это? – поинтересовалась Даша.

– Настя, внучка прохоровская... Язва еще та!

В голосе Трофима слышались нотки скрытого восхищения, явно не вязавшиеся со смыслом произнесенных им слов. Молодожены переглянулись и вопросительно уставились на Трошку.

– Сами увидите! – торопливо добавил тот.

Девушка тем временем замедлила шаг.

– Чего это вы здесь? – нарочито ни на кого не глядя, спросила она.

– Ты бы поздоровалась сперва – люди из Москвы приехали! Для приличия, что ли! – проворчал Трофим.

– Здравствуйте, дорогие москвичи! – повернувшись к супругам, картинно поклонилась Настя. – Добро пожаловать в нашу Глуховку! – Она выпрямилась и, как ни в чем не бывало, спросила обалдевшего Трошку:

– Что теперь? Собрались-то чего?

– Не бойсь, не к тебе!

– И на том спасибо!

– К деду мы твоему, Прохору Николаевичу. Дома ли?

– А где ему быть? С постояльцами небось... А вам-то что?

– Дело у нас к нему важное. Сейчас и Васильич подойдет...

Девушка фыркнула и, гордо пройдя мимо ребят, отворила калитку. Уже у крыльца она обернулась:

– Заходите, что ли... чего стоять-то на ветру...

– Нет уж, мы подождем Захара! Вместе зайдем!

Настя, не ответив, хлопнула дверью.

– Видали? – выдавил Трофим. – Ерш, да и только! – И вдруг потеплевшим голосом добавил: – Смела, как черт... Одна на зверя ходит – ни хрена не боится!

– Сама на зверя? – недоверчиво спросила Даша. – Совсем

ведь девчонкой была!

– Ага. Прошлой зимой двух волков забила – прохоровская порода... Даром, что девчонка...

– Нравится? – спросил Павел.

– Кто? Она? Скажешь еще! – быстро проговорил Трофим. – Собачимся каждый день!

– Так уж и каждый день?

– Так ведь соседи! Хошь не хошь, а глаза мозолит!

Разговор прервал голос участкового:

– Заждались, пострелы?

Друзья обернулись.

– Не очень, – ответила за всех Дарья.

– Зашел в контору, справился о «вертушке»: через три дня отправим ваши «сюрпризы» в центр... – Участковый кивнул в сторону дома. – Хозяин-то у себя?

– Настя говорит – у себя, – ответил Трофим.

– Настя? Видели, что ли?

– Успели уже... Она всегда, как гвоздь в...

Трофим осекся и покосился на Дашу.

Васильич усмехнулся:

– Раз дома – пошли...

В небольшой, но уютной комнате, пахнувшей деревом, шами и еще чем-то неуловимым, чем обычно пахнут старые избы, их встретил высокий, ссутулившийся старик лет семидесяти. Поначалу он Павлу не понравился: с виду обычный

ворчливый и злой старикашка – крупное землянистого цвета лицо; из-под сползающих на глаза седых нечесанных лохм – хмурый пронизывающий взгляд; в серо-желтых от седины и курения усах и бороде – скупая полоска темных губ... В довершение – противный скрип суставов и могучие плечи. Ни дать ни взять – дряхлое, корявое, но все еще крепкое дерево...

Он стоял в телогрейке; на ногах вместо тапочек – обрешанные по щиколотку валенки. Смотрел на входящих людей угрюмо, неприветливо.

Но вот в комнату прошел Захар Васильевич, и дед неожиданно преобразился. В глубине бесцветных глаз сверкнули искорки, в бороде шевельнулась улыбка, и он, вдруг оживши, на удивление добродушно проговорил хриплым баском:

– Гостей-то сколько! Здравствуйте, здравствуйте... в избу проходите, сделайте милость... У порога стоять – только время терять...

Все поздоровались. Старик, повернувшись, прошаркал короткими валенками к столу и жестом пригласил всех сесть:

– В ногах правды нет... Сейчас и подхарчимся заодно... Уже солнце на ели, а мы все не ели... Настя! – прокричал он в сторону кухни. – Тащи-ка нам на стол чего!

– Нет-нет, Прохор Николаевич, – замотал головой Захар Васильевич, – только из-за стола, спасибо!

– Ну, чайку тогда...

– Чайку можно.

– Настя! Чаю!

Все расселись. Дед перевел взгляд на Дарью.

– Уж не Звонарева дочка? – поинтересовался он.

– Она самая – Дашка, – закивал Трофим. – Не узнал?

– Как сказать... Узнал вроде, но уж больно хороша стала.

Приехала, значит... – Он взглянул на Павла. – Ну а ты, мил-человек, чей же будешь?

– Это муж мой – Павел, – ответила за него Даша.

– Муж и жена, получается?

– Да-да, – закивали молодожены.

– Я вас сразу узнала, – сказала, улыбнувшись, Даша.

– Вот даже как?

– Только... – она смутилась.

– Борода, что ли, поседела? Хм... Время, дочка, тем толь-ко и красит... Дерево – листвой, а нас – сединой. Стареем...

Павел, значит?

– Павел.

– Хорошее имя, апостольское...

Из кухни, гремя подстаканниками, вышла Настя. Ни на кого не глядя, она опустила посуду перед дедом и затем, шустро оббежав гостей, расставила стаканы.

– Чего не здороваешься? – незлобно проворчал старик.

– И ты туда же? – не глядя на него, фыркнула внучка. –

Один уже спрашивал сегодня... Сговорились, что ли? Зд-

расте, Захар Васильевич...

Она демонстративно кивнула участковому и, гордо повернувшись, прошла на кухню.

– А с остальными, что же?

– Видались уже! – прокричала она из-за двери.

– Вот коза-то выросла! – усмехнулся Прохор. – Достанется же кому-то ...

Он покосился на Трофима; тот сразу отвернулся к окну. Дед, хмыкнув, кивнул на парня и лукаво подмигнул Захару:

– Вот, значит, какие дела, Васильич!

Участковый, улыбнувшись, развел руками: что, мол, поделаешь...

Прохор, кряхтя, повернулся к приоткрытой двери смежной комнаты.

– Иваныч, а ты снестать будешь? – прокричал он.

За ней кто-то кашлянул:

– Нет пока, Прохор Николаевич, позже. Не буду мешать...

– Ну, смотри... Охотники у меня гостят, – пояснил Прохор, – из столицы. Этот – Савелий Иванович... С приятелем приехал – тот на реке сейчас. Хорошие люди, солидные...

Настя внесла самовар.

– Варенья не забудь, земляничного, – напомнил дед.

– Не забуду, – буркнула уже из кухни внучка.

Через некоторое время на столе появились горшочки со сладостями и огромное блюдо с горой пышущих жаром пи-

рожков.

– Однако хозяйка... – похвалил довольный Прохор, когда девушка вышла. – Жаль, что родителей нет... Со следующего года в город поедет, учиться. Хочет, на медсестру... Ну, не стесняйтесь, гости дорогие, угощайтесь... Чай у нас добрый, таежный...

Он потянулся к самовару и снял заварочный чайник. Подставляя стакан под краник, спросил:

– Так чем старый Прохор обязан таким почетом? Ведь не только решили старика проведать...

– Не только, Прохор Николаевич, – подливая заварки, согласился участковый. – Ребята, вот, на Гнилухе рыбачили...

– На Гнилухе-то? – Старик отпил чай. – И что же?

– Нарыбалили одну находку – череп человеческий, прострелянный, похоже... На поляне, что у самого устья...

Прохор молча отпил чай. Васильич также сделал глоток.

– Но мы, в общем-то, не за тем, Николаич. С этим-то мы разберемся... Дело у нас другое: Трошка, вот, недалеко от того места одну штуковину нашел...

– Пластину, Прохор Николаевич, – вставил Трофим, – от кобуры наградной...

Участковый недовольно глянул на перебившего его парня и покачал головой.

– Так вот, Прохор Николаевич, хлопцы считают, что она от маузера некоего штабс-капитана... Вот, глянь...

Он развернул сверток и протянул находку старику. Тот

неторопливо поднес пластину к глазам, уставился, но тут же вернул:

– Не вижу я... Что на ней?

– Можно? – спросил Павел.

Захар Васильевич кивнул. Павел придвинул стул:

– Прохор Николаевич, судя по оставшимся буквам, мы думаем, что надпись была такая: «За храбрость штабс-капитану Дунк. Ю. 1918 год»... – Павел помедлил. – Только, кто этот «Дунк. Ю.» – сказать трудно. Захар Васильевич говорит, что вы что-то знаете...

Старик вновь отхлебнул напиток и, поставив стакан, медленно отодвинул его в сторону.

– Дункель это ... – произнес он. – Штабс-капитан Дункель... Имени не знаю...

Стало тихо.

– Прохор Николаевич, – осторожно начал Захар, – ходили здесь разные слухи... Это не о нем?..

Дед отвалился на спинку стула и неторопливо скрестил руки.

– Может, и о нем...

– А что это за история? – спросила Даша.

Прохор скосил на нее глаз.

– История, может, и была, а может и нет... Не знаю. Мне-то отец про нее рассказывал, а ему и самому пятнадцати не было, когда она случилась...

– Что за история все-таки? – не удержался Трофим.

– История нужна, значит? – Прохор обвел гостей взглядом. – История-то занятная... Только с далека начинается... Вам по порядку али как?

– По порядку! – закивали все.

– Ну, раз по порядку... – Старик некоторое время молчал, поглаживая бороду. – Ладно, слушайте...

На этот раз старик молчал долго, словно собираясь с мыслями. Наконец, отвалившись на спинку стула, он стал говорить:

– В революцию дело было... Хозяйничал здесь мироед один – Чалый, кажется. Всю пушнину округи скупал, всех промысловиков в кулаке держал. Ну а как дело дошло до этой самой революции, а потом и Гражданской, хозяйство его, понятно, зашаталось. Но вот какая штука выходила: он, как ни в чем не бывало, так и ходил хозяином – ничто его не брало; даже когда сельсовет глуховский появился, советская власть, так сказать... А при Колчаке-то, он и вовсе всех придавил! Ненадолго, правда – тут и того Колчака бить стали. Но в девятнадцатом году вдруг останавливается у него отряд, из белых, значит, человек семь вроде. А за главного в том отряде – вот этот самый Дункель, штабс-капитан, и был... Многое уже позабылось в жизни, а вот, подишь ты, фамилия намертво в память врезалась!

Прохор усмехнулся и, казалось, стал думать о своем. Но потом встрепенулся.

– Говорят, – осень была, вот как сейчас, – вновь загово-

рил он. – При отряде – телега... – Он неторопливо взялся за подстаканник, мелкими глотками отпил чай. – В ней, в телеге, как отец сказывал, – не то мешки какие-то, не то ящички. Папаша мой, Николай Михайлович, сам видел – у Чалого при дворе состоял. Один он у матери был: отец со средним братом в тайге пропали, старший брат – на войне был; вот и батрачил с малолетства, мать кормил... Так вот. Встал на постой этот самый Дункель у Чалого, богача, и стоял с неделю, наверное...

Старик вдруг смолк, о чем-то задумавшись, но ненадолго – из дверного проема неожиданно вынырнула голова Насти:

– Дед, ты чего умолк? Болит что?

Проخور повернулся всем туловищем:

– И ты слушаешь, что ли?

– Как ни слушать, если уши есть! И не слыхала я что-то этой истории... Болит?

– Пройдет сейчас... заломило в ногу что-то... К непогоде никак... – На этот раз он, кряхтя и вытягивая под столом ногу, поморщился.

– Это и вся история? – спросил Трофим.

Старик помотал головой:

– Не вся... Через неделю Дункель с людьми своими зашевелился. Вроде как засобирался уходить. В поселке даже вздохнули спокойней, хотя, надо сказать, вели себя беляки тихо, никого не трогали. И действительно: вскоре Дункель с людьми ушел в тайгу, к Собачей горе. И вроде как и бог с

ними! Да только удивила всех одна странность... – Старик помолчал. – Дня через три-четыре – вернулся из лесу солдатик, от Дункеля, значит, попросил трех лошадей с провожатым. Чалый также подивился, но дал: думал, для женщин кони нужны...

– Женщин? – переспросил Васильич. – С ними что же – женщины были?

– Отец говорил – были. Одна постарше, другая ребенок еще, возраста его самого, или чуть постарше; сестры вроде бы. Отца и послали вместе с солдатом да провожатым – тем самым, что и привел беляков в Глуховку. А нашли они их все там же – на поляне, у Гнилухи... Тогда-то он и узнал, что Дункель на Собачью гору собрался. Только женщин и еще одного офицера – прапорщика, кажется, с ними уже не было... И лошадей их тоже не видел. Так-то вот!

– Неужели этот череп... кого-то из них? – Даша запнулась. Прохор внимательно посмотрел на нее.

Дед пожал плечами.

– Не знаю, врать не стану... Может, и их кого, может, и нет. Дело темное... А вы чаёк-то пейте, с пирожками Настинными... Уж и остыли небось...

Трофим заерзал на стуле:

– Прохор Николаевич, а что с этим Дункелем случилось?

Старик сощурился:

– А здесь, парень, самое паршивое и есть. Пока мой покойный отец на Гнилуху ходил, Чалый в деревне убийством

заялся: двух людей убил – председателя сельсовета да брата его. Забылось уже, а ведь это корень ваш, с Дарьей-то. Прабабка-то ваша – Таисья – дочерью была того первого председателя.

– Как? – Трофим и Даша переглянулись.

– Не знали, что ли?

Оба замотали головой.

– Хотя, кажется, слышала что-то... – неуверенно сказала Даша. – Только в общем...

Проход покачал головой:

– То-то и оно, что «в общем»... Плохо, что колен своих не знаем... – Он вздохнул. – Немудрено, однако: молодежи не надо, а старшим и самим неведомо – им не передали в свое время... А с вашим коленом – и вовсе путано. Бабка Таисия, сказывали, после замуж вышла, за командира красного, с ним уехала. А как погиб муж да умер их первенец – вернулась; второй раз замуж вышла, за Звонарева уже – двух пацанов родила. Один в Отечественную погиб, а младший и есть ваш дед – Трофим Звонарев. В честь него-то и назвали твоего братца Трошкой...

Старый охотник потянулся за пирожком.

– Это-то я знаю, – сконфуженно пробубнил Трофим. Он помолчал. – Только что здесь «паршивого»?

Дед неторопливо прожевал:

– В имени – ничего. Только мы про предка вашего – уби-

того председателя... Фамилию и не вспомню уже...

– Ну, про него... – растерянно кивнул Трофим, ничего не поняв.

– С убийства этого все паршивое и началось... – Прохор вновь помолчал. – Сделал свое подлое дело Чалый – и в тайгу со своими бандитами, вслед за Дункелем! Только дело политическое! Шутка ли – на советскую власть руку поднял! Вскоре, значит, и отряд в Глуховку прибыл чекистский, за Чалым, как все поняли. А командиром у них – кто бы вы думали? – дядька мой родной – старший брат отца – Круглов Григорий Михайлович! Во как!

– Занимательно выходит, однако, – покивал головой участковый. – И что же, нашел он этого Чалого?

Старик опустил ложку в стакан и долго мешал зачем-то остатки чая.

– Нашел, – сказал наконец он тихо. – Только сам не вернулся – на горе Собачьей остался: там они с Чалым и схлестнулись... Их человек пятнадцать было, чекистов; так из них шесть только и вернулось всего. В этом-то и есть вся «паршивость» истории... Почти весь отряд полег. – Старик оглядел всех загадочным взглядом. – Только, оказывается, не за Чалым они приходили вовсе, вот в чем штука-то! Было что и поважнее: отец говорил – сам слышал от брата...

– Неужели – Дункель? – встрепенулась Даша.

– Он самый, – кивнул Прохор.

– Чем же он был важнее?

Старый охотник вновь посмотрел на Дашу. В его беспокойно забегавших глазах она разглядела внутреннюю борьбу – говорить или не говорить?..

– Прохор Николаевич! – не выдержал Трофим. – Так чего было в Дункеле?

– И то правда! – неожиданно поддержала его Настя; Трофим с изумлением покосился на нее. – Чего тянешь-то?

Старик сделал движение головой, пытаясь обернуться, но, не сумев, вновь поворотил взгляд на Дашу.

– Золото... Дункель вез золото!

Стало тихо.

– Вот это да – золото! – выдохнул Трофим.

– Чье золото? – тихо спросил Павел.

– А кто его знает, чье! Родитель говаривал, будто дядька мой со своими командирами все о золоте судил; мол, спрятал или не спрятал Дункель? Это, однако, так и осталось скрытым...

– Выходит, не нашли Дункеля? – Захар Васильевич помедлил. – Убили его, судя по пластинке... Ограбили, что ли? Может, Чалого рук дело?

Прохор замотал бородой:

– Не Чалого. Чекисты привезли из тайги своего израненного командира. Думали, не довезут – оставили в избе председателя, у прабабки вашей Таисьи, тогда еще совсем юной. Она-то его и выходила, за него и замуж пошла... Так вот он и рассказал – и как дядька мой Чалого порешил, и как сам

смерть свою нашел, и что Дункеля они по случайности убили...

– Убили, значит...

– А про золото... командир говорил? – Трофим даже встал.

– Говорил.

Все обалдело уставились на старика.

– Ну ты даешь, дед! Чего же молчал столько лет! – Трофим возмущенно шмыгнул носом.

– Вот-вот, – затряс седой головой Прохор. – Вам только скажи! С той поры лет десять по тайге копали! И Гнилуху-то звать стали проклятой через это... Слава богу, позабылось все! – Он легонько похлопал по руке внучки, тихо обвинившей его шею сзади. – Вот ведь что, гости дорогие...

– Так что говорил-то про место? – не выдержал Трофим.

– Тебе-то на что оно, место?

Трошка беспомощно заморгал. Выручил участковый.

– Прохор Николаевич, – негромко сказал он, – дело все-таки государственное...

– Особенно, если это «золото Колчака»... – неожиданно вставил Павел. – Сколько лет ищут, а оно, может, здесь, под носом...

Все поглядели на историка.

– Напомни, парень, если чье «золото»? – тихо спросил старик.

Павел растерянно огляделся:

– Это вроде бы известное дело... Большая часть золотого запаса Российской империи... Оно в 1915 году было вывезено из Петрограда в Казань; потом, в октябре 1918-го, доставлено в Омск. Около сорока тысяч пудов золота, плюс тридцать тысяч серебряных слитков...

– А Колчак при чем? – тихо спросил дед.

– Так ведь там, в Омске, Колчак и стал Верховным правителем России... В его руках золота почти на шестьсот пятьдесят миллионов рублей оказалось! – Павел обвел всех взглядом. – Правда, когда его расстреляли, новой власти досталась лишь часть этого. Почти двести пятьдесят миллионов рублей золотом исчезло...

– Ух ты! – восхитился Трофим. – Двести пятьдесят миллионов! Где же они?

– В том-то и дело! Частью было потрачено Колчаком на армию; сорок пять миллионов золотыми достались атаману Семенову... В общем, пошли слухи, что большая часть могла быть укрыта где-то в районе истоков рек Печоры... Может, Вишеры и Лозьвы. В то время Колчак хотел пройти северным путем в сторону Архангельска, захваченного англичанами. Ничего из этого, как известно, не вышло, так что золото ему пришлось, видимо, припрятать... Лежит где-то теперь...

– И никто не знает где? Даже приблизительно?

Павел пожал плечами:

– Были свидетели, конечно... Например, один полковой

писарь... Тот якобы лично участвовал в захоронении двадцати шести ящиков золота. Но поиски так ни к чему и не привели... А тут выясняется, что и у вас был отряд с ящиками!

Трофим вскочил:

– А дед Прохор еще и место знает, да молчит!

– Погоди... – остановил его Захар Васильевич и, помолчав, повернулся к старику: – Действительно, Прохор Николаевич, что это за место?..

Дед не спеша снял с плеч руки внучки:

– А чего меня совестить? Не знаю я.

– Как это! – Трофим чуть не задохнулся. – Сам же сказал, чекист о золоте говорил!

– Слушали ушами, да услышали сапогами! – сердито проворчал Прохор. – О золоте-то он говорил, да только не о том судил!

– Как это может быть! – возмутился Трофим.

– А, так! Он всего-то и сказывал, что слышал о золоте; но не о том, где оно. Будто слышал от пленного бандита, что Дункель поднялся ночью на Собачью гору, нашел там какой-то пояс с мечом, да куда они указали – там и зарыл клад. Про то каким-то макарон вся деревня прознала – вот и началась лихоманка! Вся округа повалила «пояс с мечом» искать, все камни простукали! Только искать-то искали, да сами пропадали! А ты говоришь – место! Сейчас скажи – вы первые и попретесь, как дурни! Лучше уж молчать всем, не

будоражить людей!

В избе вновь стало тихо. Все смотрели на деда, который, словно желая остудиться от горячей речи, сердито отхлебывал остатки остывшего чая. Наконец Захар Васильевич поднялся:

– Ну, с «поясом» – это ерунда, конечно... Дело старое и темное, вряд ли мы разберемся.

За дверью послышался тихий кашель, вдруг напомнивший, что в доме был еще один человек.

– Иваныч! – обернувшись, прокричал Прохор. – Простыл, что ли?

– Нет, поперхнулся только, – послышался глухой голос за стенкой.

– Дед... – в наступившей тишине позвала Настя. – Может, и вправду лежит рядом, на Собачьей горе...

Трофим с удивлением покосился на соседку и одобрительно кивнул:

– На Собачью гору надо идти!

– Во-во! Я об том и говорил! – в сердцах вскрикнул Прохор.

– Ходили уже, хлопец, – поморщился участковый. – А вот костью заняться следует, это точно! Если и не дункелевское это дело, то может статься, что и посвежее... Тогда совсем другой оборот... А по сему, место посмотреть надо: вдруг чего еще объявится... И хорошо бы это сделать до «ока-

зии» – вертолет будет через два дня... Значит, так. Завтра я съезжу к лесорубам – заглянуть надобно, уже договорился; а вот послезавтра... Только мне показал бы кто место... Как, Трошка, сходишь со мной?

– А то! – встрепенулся Трофим. – Отчего не сходить!

– А мне можно? – тихо спросил Павел. – Интересно, все-таки... Как историку!

Участковый оглядел супругов.

– А жена молодая как же? Отпуск-то, чай, не резиновый...

– И я с вами! – поспешно воскликнула Даша.

– Ну, братцы – это уж перебор! Ни к чему таким табором-то...

Молодожены переглянулись.

– Нам-то что, – пожал плечами Павел, – прогулка одна...

– Намучаешь жену...

Даша торопливо замотала головой:

– Ничего страшного!

– Послезавтра, говоришь? – неожиданно спросил Прохор. – Я вот что подумал, Захар Васильевич. Мы с Настей собирались зимовник поглядеть, так, может, и мы с вами, на Гнилуху-то? Крюк небольшой, да и... дела вроде не сторонние для нас... И причина есть... Как ты, Настюха? А?

– Здорово! – Настя подскочила к деду и громко чмокнула в щеку.

– Никак промысловать собрался, Прохор Николаевич? – усмехнулся участковый. – Силы-то еще есть?

– От чего же нет! Схожу. Может, в последний раз...

– Чего несешь, деда! – возмутилась внучка. – Ты у меня до ста лет доживешь! Понял?

– Понял, понял, дурешка, – улыбнулся Прохор. Он ласково похлопал ее по спине.

В соседней комнате закашляли.

Глава 5

Встреча со стариком не на шутку взволновала Павла. И дело было даже не в самом золоте, а в нечто другом – в том, что место клада связали с совершенно несуразными вещами – «поясом и мечом». Какие могли быть пояса и мечи на вершине горы! Да и как они могли показать на золото? Павел был уверен, что это не что иное, как либо местные названия чего-то, либо в крайнем случае их замысловатая аллегория. Он обратился к карте, достал вопросами Трошку, но ничего похожего ни в глуховском лексиконе, ни в очертаниях местности на карте так и не обнаружил.

Было еще нечто, что не давало покоя – ощущение того, что он задолго до этого знал о существовании здесь, в Глуховке, некой тайны... Знал и ждал... Оттого и рвался сюда... Эта мысль неожиданно осенила его после встречи с дедом Прохором, вечером того же дня, во время ужина с родителями Даши и Трофима. И с той минуты ему не давал покоя один и тот же вопрос: откуда оно, это странное чувство?

Об этом он хотел поговорить с Трофимом, весь следующий день носившимся в приподнятом расположении духа, но тот, не утруждая себя философствованиями, лишь отмахнулся – ерунда, на Гнилухе пройдет!

Вечером, перед сном, он заговорил об этом с Дашей. Она внимательно выслушала, поцеловала его и, прижавшись, ти-

хо прошептала: «Просто тебе хочется приключений».

Как ни странно, эти слова принесли успокоение. Уже засыпая, Павел счастливо подумал: «Она права. Просто я столкнулся с давно желаемым...»

На следующее утро от деревни отошли три лодки. Лениво урча, они выплыли на середину большой реки, медленно развернулись по течению и, взревев моторами, словно засто-
явшиеся скакуны, сорвались одна за другой с места, рассекая и волнуя утреннюю гладь воды. Вскоре деревня скрылась из вида и под нависавшими серыми облаками замелькала обступившая с обеих сторон угрюмая тайга.

Павел и Даша сначала живо переговаривались, с любопытством поглядывая на соседние лодки, но скоро смолкли под свистом ветра и, укрывшись куском брезента, стали молча смотреть на пробегающие мимо берега.

Через несколько часов справа показались знакомые места. – Гнилуха! – сквозь рокот мотора донесся голос Трофима. Павел и Даша закивали.

Одна за другой лодки сбавили скорость, медленно повернули в сторону притока и вошли в устье. Только теперь Павел заметил, что русло речки выворачивалось с севера.

– Странно, однако! – повернувшись к Трофиму, прокричал Павел. – Большая река течет на север, а Гнилуха – на юг...

– Уклон такой! – прокричал в ответ Трофим. – Место гористое! А Гнилуха с востока тащится...

Пройдя вверх по течению еще около получаса, шедшая впереди лодка участкового развернулась и осторожно приблизилась к правому берегу, к поляне. Даша поежилась.

– Ты чего? – спросил Павел. – Замерзла?

– Нет... неприятно.

– Тебе лучше было остаться.

Даша замотала головой.

Лодки тем временем поочередно уткнулись в берег. Первым сошел Васильич. Подтянув моторку, он с озабоченным видом склонился над песком.

– Ты чего, дядь Захар? – спросил, свесившись с борта, Трофим; его пассажиры неуклюже спрыгивали на берег.

– Смотрю вот... след свежий, лодки.

– Нашей, видать, с прошлого раза...

– После дождей-то... на песке? Наверяд ли.

– Однако наследили они порядком, – заметил, оглядывая берег, сошедший следом Прохор.

– Почему «они»? – удивился Павел.

Старик отвернулся:

– Двое было.

– Чужие, видать. Наши сюда ходить бы не стали, – заметил Трофим.

– Это верно, – отозвался старик. – Не наши это... Но сле-

ды знакомые...

Трофим ухмыльнулся:

– Как это – «не наши, но знакомые»?

– Ладно вам... – Участковый огляделся. – Покажи-ка лучше, где вы стояли. Здесь, что ли?

– Там стояли, подальше, – махнул парень.

– Ближе к лесу, – подтвердил Павел.

Они прошли вперед. То ли от пасмурной погоды, то ли от недавно найденных здесь зловещих останков – поляна на этот раз выглядела неприветливой, хмурой, неуютно сжатой с трех сторон лесом.

– Вот здесь палатка стояла, – показал Трофим на примятую траву. – А здесь – костер...

Участковый присел, поводит ладонью над углями.

– Угли-то свежие... Даже теплые... Кто-то был здесь недавно...

– Двое... – вновь уточнил Прохор, разглядывая траву. Он ковырнул сапогом. – Ну-ка, Трошка, что за окурки, глянь-ка... Не нашинский какой-то...

Трофим поднял.

– Точно, заграничные...

– Уж не они ли?..

– Ты про кого? – быстро спросила Настя.

Дед угрюмо посмотрел на внука, но промолчал. Захар выпрямился:

– Ну а череп где нашли?

– Напротив, где лодки. – Павел показал рукой.

– Пошли, покажешь... И лопату возьми.

– Ага, – кивнул Трофим.

Павел провел участкового к берегу:

– Вот здесь и нашли... Так ведь? – спросил он Дашу. Та согласилась:

– Здесь.

Милиционер нагнулся. Затем выпрямился, достал из кармана куртки фотоаппарат и сделал несколько снимков.

– Пройдись-ка лопатой, – кивнул он подошедшему Трофиму.

Лопатой прошлись и на этом месте, и в пяти метрах вокруг, и походили по всему берегу вдоль поляны. Для пущей верности даже поковыряли дно рядом.

– Кажется, ничего, дядя Захар... – Трофим с досадой сплюнул.

– Особо я ничего и не ждал, – выходя из реки, сказал участковый. Он мельком взглянул на парня. – Кажись, воды набрал в сапоги...

– Во как! – опешил Трофим. – А на кой черт ты нас сюда притащил, если ничего не ждал?

Захар крикнул, взбираясь на крутой берег:

– Для успокоения совести. Вдруг сюда накатило еще чего-нибудь...

– Как это? – Павел вопросительно уставился на милиционера.

– А так, – проворчал Прохор. – Череп-то ваш скорее с верха принесло, течением. Вот Захар и проверил – не принесло ли еще чего. Самое место ведь не определишь...

– Место где стреляли?

– Оно самое... Если стреляли, конечно... – Старик оглядел сапоги участкового. – Надо бы тебе просушиться...

– Не мешало бы, – согласился Захар, выжимая на себе галифе. – Костер развести, что ли?

Переодевшись и развесив над костром промокшую одежду, мужчины расселись и принялись пристраивать для просушки обувь. Женщины и дед Прохор молча наблюдали. Когда с сапогами было покончено и все успокоились, Захар подтянул под босые ноги полено и, вытащив из кармана пачку папирос, задумчиво произнес:

– Все же скорее это на мысу случилось, я думаю... Но, если череп связан с той кобурой... – Он помолчал. – Нет все-таки... Тогда бы он лежал у мыса: там река петлю делает – прибило бы к мысу с другой стороны...

– Быть может, и там поискать? – осторожно спросил Павел.

Захар закурил.

– Нет уж времени. Возвратиться надо. Завтра с утра вертолет прибудет.

– И что же теперь? – спросил Павел.

Прохор не спеша уселся на стоявший рядом пенёк.

– А что теперь... Вы – назад, в деревню, а мы с Настюхой

– на зимовник... Вестимо что...

Наступила грустная тишина. словно что-то оборвалось, недоделалось... Неожиданно глаза Трофима сверкнули:

– Дед, а ведь ты говорил, осенью дело было, как сейчас...

– Ну и что с того?

– К чему это ты? – выпуская изо рта дым, спросил Захар. –

Говорил же – к делу это никаким боком...

– А я, Васильич, вот что подумал: что если мы по Гнилухе подыдемся к Собачьей горе?

– Зачем это? – недовольно буркнул Прохор.

– Как зачем? – воскликнула Настя. – Может, осенью искать надо! Может, только осенью тот «пояс» и кажется!

– погоди, коза! – одернул ее охотник. – Ты куда это кло-нишь, паря? Золото захотелось, что ли? Тебе на что гора-то?

– А хотя бы и захотелось! – запальчиво воскликнул Трофим. – Вдруг мы тот «пояс» и отыщем? Паш, ты как?

Ответить Павел не успел.

– Дурак ты, Трошка! – рявкнул Прохор. – Думаешь, самый умный, что ли? Собачью и без тебя уже обшарили во все сезоны! Ни один уж пострадал через тот «поясок»! Таких вот, как ты – охочих до золота дармового, – полно было! Чушь это все! Слава богу, позабыл народ, так нет же – Трошка объявился!

Проخور сокрушенно сплюнул. Трофим, открыв рот, застыл. Глядя на его растерянное лицо, Павел вдруг понял, что вот так все может и кончиться... Он сказал первое, что пришло в голову:

– Может, о Дункеле узнаем что... Череп все-таки...

Даша с удивлением посмотрела на мужа.

Проخور, не оборачиваясь, вздохнул:

– И ты туда же... Ученый вроде...

Словно провинившиеся, ребята примолкли. В наступившей тишине отчетливо протрещал костер, сердито шумнул лес, будто чем-то недовольный, и как-то недобро, беспокойно прокричала в дебрях неведомая птица...

Захар пощупал сапог:

– Кажется, просыхает... – Он помолчал. – В общем, так: завтра вертолет, а посему, как просохнем – собираемся и трогаем. Вот и вся музыка...

Трошка тяжело выдохнул.

– Дед, что это? – неожиданно вскрикнула Настя, протягивая руку в сторону реки.

Все обернулись: над Гнилухой клубились неизвестно откуда взявшиеся пары тумана – сначала мелкими барашками, затем разрастающимися на глазах мутными языками, медленно взывающимися вверх, и вскоре уже все русло заволочло белой густой пеленой.

– Что за дела? – прошептал изумленно дед Проخور. – Никак туман? В такое-то время...

Белая масса, так же неожиданно, как появилась, стала бледнеть; сквозь пелену проступили силуэты деревьев противоположного берега, блеснула вода... И вдруг посреди реки взмыли вверх новые языки пара, ощетинились, словно гигантские зубья, закрубились на острых концах и незаметно оформились в отчетливые фигуры людей – в длинных одеждах, в странных головных уборах, медленно, один за другимдвигающихся вверх по воде... Они достигли изгиба реки, поползли по склону возвышающегося мыса и так же, один за другим, рассеялись на его вершине.

В то же мгновение туман над рекой окончательно растаял, как будто его и не было; вновь печально протрещал костер, стрельнуло искрами прогоревшее полено, и стало тихо.

Никто не шевелился. Оцепенев, все смотрели на мыс, где только что исчезло таинственное видение.

– Мать Божья! – прошептал наконец Прохор. – Никак – знак?

– Что это было, дед? Неужто... – Голос Насти сорвался на полуслове.

– Бр-р... Ей-богу – призраки будто! – прошептал Трофим. – Жуть какая-то! Сколько их было?

– Семеро, кажется... – неуверенно пробормотала Даша.

– Господи! Ты и говорил про семерых... – Настя испугано взглянула на деда.

– Семерых кого? – по-прежнему шепотом спросил Тро-

фим. – Беляков, что ли? Значит, точно – знак... Показывают, куда идти надо – вверх по Гнилухе!

Он подскочил:

– Говорю же – на Собачью гору идти надо!

– Затарахтел, тарыхтелка! – вдруг рассердился Прохор.

– Говорю вам – есть там что-то, на Собачьей! Они сами показывают! Идти надо!

– Чур тебя! – одернул Прохор. – Идти... Без головы остаться хочешь? Туда-то и добрые охотники не ходят...

– Ну, хватит! – подал голос Захар. – В десятом веке, что ли? «Знак», «призраки»... Явление природное, да и только... Развели мракобесие! И ты еще, Прохор Николаевич...

– Э-э, зря ты так, дядя Захар! – обиженно воскликнул Трофим. – Неслучайно все это: как заговорили о Собачьей горе, так они и показались! Ясно ведь! Идти надо! Нет – так мы сами пойдем!

– Да смолкни ты, холера! – грубо перебил его Прохор.

Все замолчали.

– Дед, может, в самом деле... – осторожно произнесла Настя спустя минуту. Трофим быстро глянул на соседку и тут же перевел взгляд на Прохора: к изумлению, тот лишь устало покосился на внуку и отвернулся.

Павла бросило в жар: еще одно слово деда – и конец; придется возвращаться! Отчего-то взглянув на Дарью, он путано пробормотал:

– Там ваш родственник погиб... Что если «пояс и меч»

показывают место и его гибели... и клада? – Он помолчал. – «Пояс», к примеру, – место клада, «меч» – место боя. Вдруг на том месте и сражались за клад? Узнаем вдруг чего... До горы и обратно – прогулка... – Вновь взглянул на жену. – А Даша вернется с Захаром Васильевичем... Как, Прохор Николаевич?

Даша поджала губы. Старик медленно повернул голову и устремил долгий изучающий взгляд на Павла... Потом так же медленно отвернулся.

– Я вам не хозяин! – тихо буркнул он. Однако посмотрел на участкового и, помолчав, спросил: – Как думаешь, Васильич?

Милиционер швырнул потухший окурок в костер.

– Ерунда все... с золотом... Так ведь веры им нет... Попрутся дураки, натворят чего... – Он кивнул в сторону Трофима. – А у тебя, Прохор Николаевич, и своих дел по горло...

Вновь помолчали, вопросительно поглядывая на старика.

– Ну, так как? – не выдержал Трофим. – Идем, что ли?

Охотник поглядел исподлобья.

– Не люблю я туда ходить... В общем – как Настя...

Все произвольно посмотрели на внуку.

– Мне-то что? – фыркнула та. – Я – как дед...

– Тьфу ты! – сплюнул в сердцах Трофим. – Что вы друг на друга киваете! Идете или нет?

Дед покряхтел:

– Истинно дураки! Далась вам эта Собачья гора... Глядите только! Меня слушать! Иначе возверну чертей! Понятно?

– Понятно! – подскочил сияющий Трофим.

Захар покачал головой:

– Ну, дела... Учтите, однако! Через четыре дня не будет вестей – пойду следом, а потом всыплю всем!

– Идет! – вскрикнул Трофим и ткнул Павла в бок. Тот взглянул на Дашу: «Что бы ты ни говорил, я иду с тобой!», – говорили ее глаза.

Глава 6

По просеке, издавна служившей для вывоза леса, да перелеску отряд Круглова продвигался сравнительно быстро; в первый неполный день прошли верст двадцать. Круглов поначалу беспокоился, что не все в отряде выдержат конный марш – чекисты в своем большинстве из рабочих, – но оказалось, с лошадьми они справлялись вполне сносно – за переход никто не отстал.

Ночь провели в тайге, под открытым небом. С рассветом были в седлах. Но на этот раз продвигались по густому лесу, по узкой, едва приметной тропке, тесной даже для одного всадника. Чекисты выстроились в колонну по одному, выслали вперед людей для разведки, но, несмотря на все усилия, прошли за день значительно меньше, чем Круглов рассчитывал. Уже в сумерках отряд остановился на первой попавшейся поляне, достаточно широкой, чтобы расположить лошадей.

Распорядившись выставить караульных, Григорий собрал Калюжного и Прокопенко. Совещались долго. К вечеру следующего дня надо было добраться до Глуховки. Решено было отобрать трех человек наиболее опытных наездников и, не дожидаясь остальных, выступить во главе с Кругловым и Калюжным до рассвета. Оставшаяся часть отряда, под ру-

ководством Прокопенко, должна была прибыть в Глуховку не позднее десяти вечера. Проводником к нему Григорий решил приставить своего земляка, Василия Пыреева. Сам же Круглов к подходу основных сил предполагал разведать обстановку в деревне: если Дункель там – ожидать отряд в близлежащем лесу.

Они еще раз уточнили маршрут, сверили часы и командиры разошлись готовить предстоящий переход.

Круглов подсел к бойцам, расположившимся вокруг кипящих на костре котлов. Сзади кто-то похлопал его по плечу:

– Поешь, командир, – сказал, протягивая котелок и ложку, чекист. – Еда солдатская – проста, да братская...

Круглов поднял глаза на балагура:

– Это ты, Пыреев...

– Я, Григорий Михайлович.

– А сам что же?

– Ел уже.

Круглов взял котелок, помешал ложкой варево и попробовал на вкус.

– Съедобна? – усмехнулся Пыреев.

– Ничего вроде...

– Петька стряпал Корчемный... Вон тот, у котлов который. Он завсегда хорошо варит, из «топора», как говорится. Раньше у барев поваром служил.

Круглов не спеша поел, опустил ложку в котелок и при-

нялся за кипяток, слабо напоминавший чай, поданный в обжигающей кружке вместе с сухарем.

– Как же ты, Васька, здесь оказался, в чекистах? – поинтересовался он, дуя на кружку.

Пыреев присел рядом.

– Так вот и стал. – Он подбросил в костер хвороста. – Как ты ушел на фронт в пятнадцатом годе, так вскорости и меня на германскую забрали. Там земляка нашего и встретил – дядьку Воротилу. Помнишь такого?

– Как же, помню бунтаря.

– Погиб недавно. Здесь, в городе...

– Жаль... не знал. – Круглов опустил кружку.

– Полтора года назад, в начале восемнадцатого, послали его по партийной линии сюда, в Чека. Здесь и убили бандиты. Хоронили его вот они. – Василий показал глазами на бойцов. – А я, значит, в конце восемнадцатого домой подался. Пока доехал – мобилизацию объявили, Колчака бить. И вдруг – Петр Петрович! Во второй раз, получается, встретил его. Он и забрал к себе. Рекомендовал, выходит, перед самой своей гибели...

Они помолчали. Круглов закурил.

– Дома-то был? – спросил он, затягиваясь.

– Был разок, удалось.

– Я вот ни разу. Уж четыре года будет. Как там мои?

– Не знаю. Полгода прошло. А тогда тяжело жилось матери твоей. Думаю, и сейчас не слаще. Как твой средний

брат Иван в тайге сгинул, сдала Марфа Петровна. Не узнаешь ее... Ты хоть про Ивана-то знал?

– Знал, – глухо ответил Круглов и едва слышно, словно самого себя, спросил: – На что живут?

– На что? Колька теперь за кормильца – младшой ваш. Пристроился к Чалому, по дому его батрачит – так и живут...

– К Чалому! – вырвалось из груди Григория. – К бандиту этому!

– А чего удивляешься? – пожал плечами Пыреев. – Голод не тетка! Все на него работают. Он по пушнине у нас один хозяин, сам знаешь. В такое время попасть к нему на хозяйство – считай, повезло...

Василий тоскливо взглянул на Круглова:

– Мой-то брательник единоутробный – Евдоким, говорят, тоже у него в холуях теперь. Чуть ли не пятки Чалому лижет... Хочу вот повстречать, спросить по-братски, в глаза посмотреть...

Пыреев смолк. Молча, не мигая, глядел на костер и Григорий. Молчали и окружавшие их бойцы, видимо, также от нахлынувших воспоминаний...

Василий качнулся:

– А ты как же, Григорий Михайлович? Сказывают – командир эскадрона?

– Командир, матросы-папиросы, – согласился Круглов.

– В пехотной дивизии?

– В пехотной. Воевал – сам знаешь: где прореха – там за-

всегда мы, дивизионная кавалерия... Где жарко, одним словом...

– Это понятно... – протянул Пыреев и оглядел прислушивающихся к разговору чекистов. – Ты лучше вот что скажи: одолеем мы Колчака али нет?

Стало совсем тихо. Слышно было лишь потрескивание костра. Круглов огляделся и только сейчас заметил, что со всех сторон на него глядят лица затаивших дыхание бойцов. Он прокашлялся и сказал громко, чтобы слышно было всем:

– Одолеем черта, не сомневайтесь! Бьем эту сволочь – одни портки сверкают, матросы-папиросы! Через месяц-другой – сотрем адмирала в порошок, вот мой сказ!

У костра одобрительно зашумели:

– Так его в дышло!

Круглов подождал.

– Здесь, в тайге, и мы Колчака добивать будем! Спаймаем Дункеля, разыщем золотой груз – честь и хвала каждому из нас! Это и будет наш вклад!

Комэск вновь провел взглядом по лицам:

– Так достанем беляка, товарищи чекисты?

Вокруг загалдели:

– Достанем, товарищ командир!

– Смерть ему, беляку!

Круглов заулыбался:

– А коли так – завтра надо быть в Глуховке!

К пяти часам вечера следующего дня небольшой отряд, поднявшись на вершину крутого холма, вышел наконец из лесу. Внизу, далеко у подножия, вытянувшись неровными полосками вдоль крутого берега величавой реки, показались ряды покосившихся изб. Окруженные со всех сторон водой и лесом, они казались серыми мазками живописца, искусно нанесенными им на огромном полотне таежной природы – столь живописной, знакомой и близкой сердцу показалась открывшаяся взору картина. Круглов остановил коня, стянув с головы фуражку, обтер лицо и, прищурясь, посмотрел на скупое осеннее солнце.

– Глуховка... – негромко произнес он.

Павел покосился на командира:

– Стосковался?

– А то как же... – Круглов вздохнул. – Четыре года минуло...

Григорий резко развернул лошадь и обратился к ожидавшим команды чекистам:

– Внизу, хлопцы, Глуховка! Невелика деревенька, да только по сведениям ее председателя, именно здесь в последний раз и видели отряд Дункеля! – Круглов понизил голос. – Дядьку Остапова знаю хорошо. Крестный мой. Человек проверенный. Охотник добрый и товарищ надежный – не один

год отец мой промышлял с ним в тайге... Так что верить ему можно! А по словам его, у Дункеля человек десять. Но вот в деревне ли он или ушел – того мы знать не можем. Посему поступим так: я с одним из вас спущусь вниз и выясню, что да как. Если беляков нет – дадим сигнал. Ежели там – будем ждать Прокопенко, и ночью возьмем их у местного мародера Чалого – у него бандиты, кажись, и постуют. Все понятно?

– Не все, – буркнул Калюжный. – Не здорово, Григорий Михайлович, что командир сам пойдет... Случись что – отряд без головы останется! Да и не сдали бы нас твои земляки... Тогда и Прокопенко ждать будет некогда – уйдет Дункель.

– Вот потому и надо идти мне, – отрезал Круглов. – Я для них свой, местный, – и расскажут все без опаски, да и сдавать своего никто не станет. Так что давай мне человека – и кончим разговор!

Павел минуту погарцевал на вдруг забеспокоившейся лошади и громко выкрикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.